

О. В. Кириченко
Институт этнологии и антропологии РАН

Отношение к богатству в русской православной традиции: позитивные и негативные тенденции (XVIII – начало XX века)¹

У Русской Православной Церкви, как и у Вселенского Православия в целом, нет отдельного учения о богатстве, хотя и евангельские и святоотеческие тексты на этот счет говорят вполне определенно². Более того, тема богатства — одна из самых важных, не считаться с которой христианину просто нельзя. Смысл явления подается четко и ясно, а особенности решения этой проблемы предоставлены конкретной эпохе, конкретному народу и религиозной традиции. В Евангелии описан знаковый для этой темы разговор богатого юноши со Христом и высвечена дилемма: раздать богатство и идти, взяв крест свой, за Христом, или оставить все, как было до вопрошания ко Христу. Учеников Христа охватывает ужас от столь радикальной постановки проблемы: или ты со Христом, или ты с богатством. Все дальнейшее, поясняющее, как же богатому войти в Царство Небесное, сводится, по сути, к одному — «что невозможно человекам, возможно Богу». Богатому остается только поиск узкого пути (который может открыть только Бог). И не случайно образ этого узкого пути Христос сравнивает с игольным ушком (возможно, это узкие ворота в Иерусалиме, а может быть, речь идет о реальном игольном ушке), поскольку здесь важно подчеркнуть божественный — промыслительный — характер этого особого для человека пути.

История христианства показала, что выбор узкого пути пришлось делать не только каждому человеку в отдельности, но каждой христианской

Церкви, каждому народу и государству, которое сопрягало свой путь с христианской верой. По причине существования столь сложных субъектов — носителей и хранителей христианской веры — Евангелие, думается, не случайно оставляет открытым вопрос о судьбе и конечном решении богатого юноши. Он мог потом (за скобками евангельского текста) раздать богатство нищим и пойти за Христом, но мог и не решиться на этот поступок. Евангелие словно погружает нас в эту неопределенность и таинственную глубину проблемы. И, действительно, это одна из серьезнейших и труднообъяснимых проблем Церкви и веры. То непреодолимое упорство, которое проявляют земные противники Христа в Евангелии, не желавшие видеть Его очевидного — духовного подвига, подлинного чуда, всещедрого добра — во многом объясняется их глубокой, сердечной укорененностью в богатстве. Оно так затемнило душу Иуде Искариоту, что даже ученическая близость к Спасителю не просветила его. С темой богатства связаны, судя по евангельским текстам, и будущие судьбы мира. На связь богатства и таинственного числа 666 (талантов золота) указывает Ветхий Завет³. Об этом же числе говорит Откровение апостола Иоанна Богослова, характеризуя время господства Антихриста: «Никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его... число это человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13, 17–18).

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

² Богатейшая историография на эту тему содержится в фундаментальной монографии: Симонов В. В. Церковь — общество — хозяйство. (М., 2005).

³ «В золоте, которое приходило Соломону в каждый год весу было шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых» — (3 Цар. 10, 14).

Вот почему мы считаем чрезвычайно важным рассмотреть вопрос об отношении к богатству в русской православной традиции и в данном случае — проанализировать, как общество, государство и Церковь в совокупности решали эту проблему, какую возможность предоставляли верующему человеку для подлинно христианского отношения к богатству. В своей первой статье, посвященной отношению к богатству в русской традиции X—XVII в.⁴, нам уже пришлось писать об этом. Было выяснено, что в средневековой Руси сложилось две территориальных традиции отношения к богатству. Одна связана с существованием Новгородской земли (до середины XVI в.), создавшей не только самобытную культуру, но и особую церковную среду северорусского православия. Новгородцы видели в богатстве ту силу, которой можно и должно управлять, не отказываясь от него. Богатство важно лишь переориентировать в части своей на те, или иные благие церковные и социальные проекты. Это был путь трансформационного использования богатства. Другая линия — киевско-московская (до конца XVII в.) — отличалась не меньшей самобытностью: опорой на государство (а не на общество, как у новгородцев), на церковь (но не как на структуру духовной власти, как у новгородцев, а — на духовный авторитет, начиная от архиерея до белого священника). Для этой традиции богатство можно было лишь преобразить, только тогда оно переставало являться богатством. А это значит — не просто передать его церкви, но чтобы ответом на эту передачу была молитва Церкви.

Задача настоящей статьи — обозначить, существовавшие в имперско-синодальный период, пути преобразования материального богатства в идеальное. Речь пойдет о сложившихся в этот период двух путях такого преобразования: церковном и светском, поскольку в XVIII столетии, наряду с абсолютно господствующей в прежние века церковной сферой, появляется автономная — светская. Мы должны выяснить особенности этого процесса, проходившие в светской и церковной сферах; в том числе — сохранились ли, прежние (допетровские) формы конвертации материальных богатств в идеальные, или появилось что-то новое? Что главенствовало в обществе: первое или второе: светское и или церковное?

Церковный путь преобразования богатства

К концу XVII в. существовала одна форма преобразования богатства — через культуру «сложного поминовения»⁵, в основе которой лежал русский синодик. Она частично сохранилась и в синодальный период, в тех местах, которые были отмечены подвижническим духом их насельников: в Оптиной, Саровской, Глинской пустынях, в Валаамском монастыре и ряде других обителей. Но это было скорее исключением из правил, эта культура поддерживалась вопреки новому порядку и потому являлась делом, требующим и мужества, и знания традиции, и подвижнических усилий. В целом же, в этот период стала складываться общая церковная форма преобразования богатства, близкая к прежней — велико-новгородской. Она также вошла в обиход прославленных подвижничеством монастырей, опять же со своей спецификой здесь. На возвращении к новгородскому опыту настаивала Церковь, поскольку к этому ее подталкивало государство, с его планами реформирования светской сферы. В средневековой Руси светское начало было значительной степени поглощено церковным, подчинено ему, но в Новгородской земле, в отличие от Киевской, а потом, Московской Руси, оно было более автономно, более независимо и самостоятельно. В Новгороде скорее светскость пронизывала церковность, и определяла порой специфику ее проявления, чем наоборот. В этом была своя положительная и отрицательная динамика. Автономность светскости была опасна обмирщением церковной сферы, но с другой стороны новгородцы могли решать широкие цивилизационные задачи. Не случайно именно с новгородской колонизации началось русское освоение Сибири. Эта культура и была задействована Петром I, в пору его великих реформ. И если бы у России не было новгородского опыта, стране не удалось бы тогда в кратчайшие сроки и укорененно, на перспективу, решить проблему освоения западного опыта. Благодаря цивилизационной модели новгородцев, Россия, в конечном счете, смогла стать империей.

Что касается перехода к синодальной (по форме ее управления) Церкви, то новгородский церковный путь также здесь становится определяющим для послепетровской России, хотя

⁴ Кириченко О. В. Православное отношение к богатству в русской церковной традиции (X—XVII вв.) // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2013. № 13. С. 3—33.

⁵ Мы употребляем этот условный термин для подчеркивания не технической его сложности, а духовной, хотя и технически это была действительно сложносоставная культура.

в законодательстве это никак не озвучивалось. Новгородскую церковную модель приходилось трансформировать, но делали это не так скоро, как менялась экономика или культура. В церковной сфере нельзя было действовать только указами и запретами. Требовалось более и менее деликатно решить судьбу церковного московского опыта. Конечно, какие-то изменения в этом направлении начались уже при патриархе Никоне, воспитаннику северно-русской церковной школы. При Петре I было упразднено патриаршество и введено коллегиальное церковное управление через Святейший Синод. При Петре I же заметны попытки ускорить реформирование Церкви, через запрещение многих старинных церковных обычаев, но как показала жизнь от многих таких скороспелых указов уже к середине XVIII в. пришлось отказаться. Процесс церковных преобразований приобрел долговременный эволюционный характер.

Суть новгородского пути преобразования материального богатства в духовное заключалась во вкладывании денег в создание вокруг церкви культурной среды, культурного пояса. Высокая культура должна была присутствовать в самом оформлении внутреннего храмового пространства, в архитектуре, в возможности для храма быть центром социальной опеки, местом получения начального образования, и, наконец, — средоточием праздничной жизни граждан (горожан и сельчан). Для созидания культурного пояса вокруг Церкви новгородцы и передавали свои капиталы, не ожидая, что в ответ на пожертвование Церковь будет молиться за них. Молитвенниками за себя они считали переданные Церкви средства. В чем-то такая форма преобразования капитала была похожа на тайную милостыню⁶, поскольку здесь вкладчик также не заботится о том, чтобы его имя поминалось церковным чином, ему важно, чтобы деньги и помощь «дошли до человека и до Бога». Главное, чтобы переданный Церкви капитал возвращался в общество в новом, преобразованном и осязаемом виде, неким очевидным материальным результатом.

Но прежде чем перейдем к рассмотрению «новгородских» образцов преобразования богатства, появившихся в синодальный период, остановимся сначала на примерах сохранения, как исключе-

ния из правил, культуры сложного поминовения. В старинных синодниках можно было почерпнуть знания о смысле сугубого поминовения усопших, о связи пожертвования и молитвы, наконец, увидеть связь этой традиции — через сонм многочисленных имен в синодниках — с исторической памятью. Вкладчики группировались по родам, и напротив каждого вкладчика обязательно имелись сопровождающие слова общего характера: *«вкладу впрок, в сорокоустье и вечный поминок, в наследие будущих благ»*⁷. В предисловии синодика звучало слово к вкладчикам. Например, в предисловии вкладной книги Серпуховского Высоцкого монастыря вполне определенно звучит мысль о попадании жертвы для монастыря в реестр «книги жизни» — той небесной книги, откуда человек уже не будет вычеркнут никогда. *«Злато и серебро и всякие потребные вещи на устроение пречистые обители Ея и на украшение церкви святыя, яко залог, еже написанная имена в книзе сей временной принести Ей во вечные книги Сына Своего и Бога нашего, яже видел в видении своем и возлюбленный ученик Иоанн святой, глаголющий: „Видех и се иже книга отверзется, яже есть животная и в ней обретающиеся имена не обретаются в книгах животных, тии будут ввержени в езеро огненное...“*. Агнца сего ради, отцы и братие и ви православные христиане, отложившие всяку печаль мира сего и помиловавши самих себе, невозвратно прищецем к Христовой книге, яко к тихому пристанищу спасения ради нашего, небесной царицы и все свое приобретение приносящее ту витийствующей — любовь вопити Ей: „радуйся свитче, в нем же перстом отчим написася слова чистая, Его же моли в книзе животней рабом твоим написатися Богородице...“⁸.

В истории Саровской пустыни имя игумена Ефрема связывают с особым попечением его о поминовении благодетелей обители. *«Своим попечением игумен Ефрем привел обитель в особенное уважение между православными, живущими далеко от нея. Усердным тщанием сего благопопечительного старца учреждено в обители сей поминовение по усопшим отцев и братиях оной, благодельствовавших и в сих тех, коих имена вписаны в заведенные для поминовения книги. Сие исправляется и до*

⁶ Тульцева Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках / под ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М., 2002. С. 90—101.

⁷ Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря / сост. арх. Леонид. СПб., 1883. С. 6.

⁸ Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря / изд. Л. Д. Воронцовой. М., 1898. С. 9.

ныне с особым усердием в точности, неопустительно и поминовение совершается как на проскомидии, так и на псалтирном чтении. Старец Ефрем душевного ради спасения и вечного поминовения часто приходил к ранней литургии помянуть на проскомидии об упокоении благодетелей обители и говаривал часто сие: „совершение литургии за усопших так важно, сила поминовения так велика, польза от него умершим, если это бывает с верою и усердием, так значительна, что оне имеют самый благодетельнейший успех для усопших и доставляют им великую отраду“⁹. Старец Ефрем обращает внимание на силу веры и усердие при совершении поминальных молитвенных трудов монахами, что, конечно, объясняет, насколько неформальным был акт передачи мирского богатства для поминовения в монастырь. Казалось бы, дело сделано, деньги или земли переданы в пользу церкви и Бог Сам разберется с этой жертвой. Но не так смотрит на это монастырский старец. У него нет никакой мирской мотивации — благодарности жертвователю за принесенный дар, а есть лишь сотворчество дарителя и монахов, которые в таком союзе совместно творят дело поминовения усопших. Дар-жертва и молитва за дар («с верою и усердием») составляют одно целое, и этим лишь оправдывается внедрение мирских денег в монастырский покой.

Стоит отметить и то, что Саровская пустынь не сразу вернула себе уходящую культуру *сугубого поминовения*, а лишь ко второй половине XVIII в., когда монастырь уже воспитал два поколения монашествующих в строгом духе, когда обитель укрепилась и численно возросла. Традиция сугубого поминовения усопших и после кончины игумена Ефрема (ум. 1778 г.) неукоснительно поддерживалась. Игумен Нифонт (ум. 1842 г.) строго соблюдал ее и требовал за ранней и поздней литургией от каждого служащего иеромонаха, чтобы тот начинал проскомидию с чтения поминальных тетрадок и не спешил переходить к чтению часов. В помощь чередному иеромонаху благословлялось несколько человек

братии для прочтения этих поминовений, «за здравие» и «упокой». Поминовение велось также после окончания утрени и вечерни во время совершения литии в притворе храма. В субботу служилась панихида и поминались те, кто был записан для *вечного поминовения*¹⁰. Записанные на вечный помин поминались и за литургией, что было особенно важно. И хотя цены за вечное поминовение были высоки, но для бедных и имущих существовала своя сетка пожертвований. Для этих целей у ворот обители сидел инок, который записывал в книгу у приходящего простого народа имена «на всегдашнее поминовение», на единоразовую молитву или на многократную на несколько дней. Сумма пожертвования взималась самая малая. Поминание происходило на проскомидии. В Саровской обители существовал и «вечный синодик» для бедных по 30 коп. за имя. Для чтения его выделялся один монах¹¹. В обители существовало правило чтения *неусыпаемой Псалтыри* (за исключением воскресных и праздничных дней). Псалтирь читали 12 иноков, каждый по два часа в сутки.

В то же время обитель активно занималась и социальной благотворительностью, но опять в рамках привычных для московской монастырской традиции. Нищим постоянно раздавались «избытки монастырских доходов: одежда, кафтаны, сапоги, рукавицы»¹². По окончании литургии множество бедняков собиралось на гостином дворе, и начиналась раздача милостыни, каждому по необходимости. Благотворители одаривали монастыри, как правило, не только землей и деньгами, но и самыми разными вещами: одеждой, предметами быта, сельскохозяйственными орудиями, упряжью, домашним скотом и т. д.¹³

Монастырское пожертвование, в отличие от монастырской молитвы за жертвователей, было, по сути, не только актом помощи монастыря бедствующим (что было в традиции русского монастыря), но и жертвой, подобной той, какую сам монастырь получал из мира. Монастырь тоже жертвовал и «от избытка», и в надежде прощения своих грехов. Как ни странно может показаться,

⁹ Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся. М., 1884. С. 58.

¹⁰ Вечный помин в обители совершался за литургией. В середине XIX в. их было три: две ранние и одна поздняя. Вкладчики должны были внести в пользу обители 60 руб. серебром за каждое имя. За поминание на одной литургии вносилось 30 руб. серебром, а за поминание на проскомидии жертвовалось 9 руб. серебром. Каждое имя поминалось в течение суток 11 раз. Лития совершалась кроме воскресных и праздничных дней несколько раз. После заамвонной молитвы на середину храма выносился столик с кутьей, а также по окончании утрени и вечерни.

¹¹ Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся / собр. иеросхимонахом Явелем. М., 1853. С. 110–111.

¹² Общежительная Саровская пустынь. С. 89.

¹³ См., напр., Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря / предисл. А. А. Титова. М., 1898. С. 1–38.

но именно здесь, в этой нише, не такой уж и значительной по материальному оттоку средств, и происходило накопление того духовного негатива, который потом виделся миру со стороны и за который мир, потом укорял монастыри. Очевидно, не все из монастыря в мир уходило с той молитвой, всесжигающей тленное и земное, с какой принимались в монастырь дары из мира. Кого-то из монашествующих зацеплял за живое этот дар и уносил его душевный покой. Примеры такого монашеского сребролюбия, порожденного не входом в монастырь богатства, а выходом из него, можно привести в каждой из перечисленных обителей: в Саровской, Глинской, Оптиной пустынях.

Может быть, по этой причине митрополит Московский Филарет запрещал широко использовать средства Троице-Сергиевой лавры на странноприимство до той поры, пока лаврой не стал управлять архимандрит Антоний (Медведев)¹⁴. Последний видел в благотворительности «средство возвращения к заветам преподобного Сергия, заповедовавшего заботиться о странниках и нищих». Но и ему пришлось непросто в условиях, когда социальная деятельность рассматривалась и Синодом, и обществом как выполнение монастырем долга перед народом. Именно через абсолютизацию социальной помощи, навязываемой общественным мнением, в лаврские стены входила, по всей видимости, внутренняя смута, выражавшаяся в теплохладности и неисполнении монашеских обетов некоторой частью братии. Об этом крайне скорбел архимандрит Антоний¹⁵. И хотя преподобный Антоний многое сделал для поддержания в обители подвижнического духа, благодаря открытию нескольких лаврских скитов и тому, что лаврское богослужение стало необыкновенно торжественным и благолепным, но перебороть в целом сложившуюся тенденцию ему не удалось¹⁶. После кончины митрополита Филарета, а потом архимандрита Антония программа по широкой благотворительности в лавре была свернута¹⁷.

Другой прославленный старчеством монастырь — Оптина пустынь — жил по уставу Коневской пустыни. Строгостью и ориентацией на древние традиции отличался здесь и порядок поминаения усопших. Трудно сказать когда в Оптину вернулась сложная культура поминовения, но вполне возможно, что это произошло в 1830-е годы, когда здесь начал старчествовать преподобный Макарий. Во всяком случае, с его именем связано несколько клиросных нововведений¹⁸. В обители существовало несколько больших синодиков, среди них самый древний — 1670 г. В четыре тома синодика было вписано 6 тысяч родов, а имен — более 50 тысяч¹⁹. Оптинцы переписали эти имена в сто тетрадей, чтобы за службой прочитывалось как можно больше имен. Чтение и поминание начиналось за литургией на проскомидии, и продолжалось вплоть до херувимской песни. В тетрадки вкладывали закладки, чтобы на следующий день продолжить за проскомидией и литургией поминовение с этого места. Великим постом поминание осуществлялось и после утрени и вечерни на литиях, во все дни общего поминовения усопших. В воскресные и праздничные дни поминали на ектениях. Также в обители существовало правило чтения *неусыпаемой Псалтыри* в больничной церкви «за здравие» и «за упокой». Ежемесячно совершались особые панихиды — «царская панихида», и отдельно от нее — «братская». Социальная деятельность Оптиной пустыни наиболее ярко проявлялась в книгоиздательстве; может быть, по этой причине здесь не стоял так остро, как в Троице-Сергиевой лавре, вопрос о монашеской дисциплине. К тому же процветавшее здесь старческое служение, также следует рассматривать не только в сугубо духовном ключе, но и как своего рода социальную опеку для нуждающихся в духовно-терапевтической (или по-нынешнему — в психологической) помощи. Возможности прозорливости, целительства, утешения делали старчество чрезвычайно привлекательной сферой помощи для народа²⁰. Приведем несколько общих оценок этой стороны жизни оптинских старцев от лица паломников.

¹⁴ Голубцов С., иеродиакон. Троице-Сергиева Лавра за последние сто лет. М., 1998. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 27–37.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. Изд. Свято-Введенская Оптина пустынь. М., 1997. С. 75.

¹⁹ Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни, 1875. С. 111.

²⁰ Громыко М. М. Прозорливость в народных представлениях и в духовном опыте русских XX в. // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2009. № 9. С. 3–15; Она же. Целительство старцев в духовной жизни России XX в. // Там же. 2010. № 10. С. 129–144.

«Когда старец выходил из келии к толпе простолудинов, ожидавших его выхода у святых врат скита и пришедших сюда со всех концов России, чтобы видеть старца и благословиться у него, эти „нищие духом“ падали перед ним на колени, плакали, целовали ноги его или полы рясы, целовали землю, на которой он стоял, матери протягивали под благословение ему младенцев...»²¹. Старческая опека была характерна для всех оптинских старцев. Из благодарственного письма оптинскому старцу Иосифу: «Чрез Ваше ходатайство пред Богом сколько отрады, утешения бывает в семьях»²². «В женскую половину (приемной старца Варсонофия. — О. К.) я был позван, — пишет другой паломник, в другое время, — самым о. Варсонофием, когда к нему вошли мать с сыном, сопровождаемые мною. Здесь я видел, как женщины одна за другой со слезами на глазах открывали каждая пред батюшкой свое горе, и как слова его, простые и задушевные, с благоговейным вниманием выслушивались ими, и как целебный бальзам, смягчали и утоляли их скорби»²³. Священник Василий Тигров, посетивший Оптину в 1908 г., так завершает свой очерк воспоминаний: «Мне хотелось высказаться, поведать всему миру о том впечатлении, какое охватило меня здесь в Оптиной. Я не мог сдержаться и говорил с необыкновенным увлечением, заключив таким приветствием: „Возведи очи твои, святая обитель, виждь: вот пришли к тебе с запада и с севера, с моря, чтобы зреть твою духовную доброту, чтобы насладиться здесь твоею духовной сладостью! Прими же привет и благодарение ото всех твоих пришельцев за всю ту радость, которой мы здесь утешились, за все то благо, которое мы здесь получили“»²⁴. Другая паломница в 1911 г. восклицает после посещения обители не менее возвышенно: «И удивлялась я, почему в наш тяжелый, нервный век, когда все такие измученные, все болящие и скорбящие, все ищут себе исцеления и помощи, набрасываются на докторов, на новые рекламные средства, поче-

му мало кто идет в эти тихие благодатные уголки, в эти лечебницы, врачующие наши души, дающие нам покой душевный, а ведь этот душевный покой дает и здоровье телесное»²⁵.

При этом, оптинцы не отказывались принимать пожертвования, в том числе крупные, на книгоиздание, на строительство храмов и корпусов и благоустройство обители²⁶. Но делалось это всегда через руки старцев, с молитвой и с рассуждением²⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что паломники приезжали сюда именно для встречи со старцами, а не для того, чтобы записать близкие им имена в монастырский синодик. Скорее всего, включение в поминание происходило тихо и незаметно, так что эта сторона монастырской жизни не выделялась оптинцами в качестве какой-то самодостаточной, но в то же время не исключалась, а всячески поддерживалась.

Глинская пустынь в XIX в., как и Оптина, стояла на высоте духовного подвижничества, процветавшего здесь с самого ее возобновления в конце XVIII в.²⁸ Здесь также существовало старчество, хотя и в другой, отличной от Оптиной форме, и существовала благотворительность, размеры которой были огромны. Поминальная традиция в Глинской пустыни утвердилась по примеру Молчанской Рождества Богородицкой Софрониевой пустыни, где духовная жизнь процветала уже с конца XVII в. Там существовала практика вечного поминовения — «всем вписанным в синодик на литургии». Чтение же неусыпаемой Псалтыри практиковалось по примеру древней „обители неусыпающих“²⁹. Игумен Филарет (Данилевский) — возобновитель старчества в Глинской пустыни — проходил свой начальный путь в Софрониевой пустыни, поэтому отсюда он взял и устав для Глинской. Поминовение усопших глинскими монахами проходило ежедневно: на проскомидии и на литургии вплоть до «достойно есть». Поминание велось по особому — большому — синодику. Туда были вписа-

²¹ Благословенная Оптина. Воспоминания паломников об обители и ее старцах. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1998. С. 65.

²² Там же. С. 79.

²³ Там же. С. 82.

²⁴ Там же. С. 89.

²⁵ Там же. С. 95.

²⁶ Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. С. 127.

²⁷ Однажды старец Макарий вернул благотворителю-заводчику 3 тысячи руб., которые тот хотел пожертвовать. Вскоре заводчику понадобились эти средства, так как он потерял свое место и остался без средств. См.: Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. С. 82.

²⁸ Глинская пустынь / Очерк состояния обители. В 2-х частях. Одесса, 1901. С. 64.

²⁹ Историко-статистическое описание Молчанской Рождества Богородицкой Печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни. Сост. Игумен палладий. Изд. Софрониевой пустыни, 1895. С. 87.

ны усопшие императоры, цари, царицы, члены Российского императорского Дома, духовные особы с их родами (роды князей Барятинских, Мещерских, Черкасовых, Куракиных, Щербатовых, Шаховских, Оболенских, Волконских и др.; графов Прозоровских, Толстых, Орловых-Давыдовых и др.; бояр Чарторыхских, Аракчеевых, Трубецких, малороссийских аристократов Кочубеев, Скоропадских, Полуботков и т. д.). В большой синодик попадали не только жертвователи материальных и денежных средств, но и благотворители, хотя бы косвенно оказавшие обители помощь³⁰.

Кроме проскомидии благотворители поминались на ектениях за литургией, на литиях после утрени и вечерни, также — на акафистах, читаемых ежедневно. По пятницам совершалась братская панихида. Ежедневно иноки обязаны были молиться у себя в келье на вечерней молитве за Царствующий Дом, Священный Синод, весь духовный чин, ктиторов, благотворителей и сродников. Дни вселенских поминовений проходили в обители особенно торжественно и чинно. Священство и певчие стояли посреди храма с большими горящими зелеными свечами и пели семнадцатую кафизму. Припев распевался антифонно, то правым, то левым клиросом. За братской трапезой проходило торжественное вкушение кутьи, с пением «вечная память» и «со святыми упокой». Братская поминальная трапеза, по сути, напоминала старинный обычай «корма» — поминальной трапезы братии в день празднования годовщины по усопшему. В XIX в. были редки случаи сохранения «корма» в монастырях. Так, известно, что в Самарском женском Иверском монастыре существовало нечто подобное — *заказные трапезы*³¹. Особенностью глинского чтения *неусыпаемой Псалтыри* было то, что на это послушание отправляли самых духовно опытных монахов, молитвенников обители, нередко схимонахов³². Читали *неусыпаемую Псалтырь* только четыре монаха.

Глинская пустынь отпускала немало средств для приема паломников в стенах обители. Так, те

получали бесплатное питание, временное жилье и медицинскую помощь³³. Пустынь не только активно посещалась богомольцами, но и получала от благотворителей большие денежные вклады³⁴. В Курской епархии Глинская пустынь выделялась размахом своей попечительности «о бедных и странных», ежегодно до 15–20 тысяч человек получали здесь самую разную помощь. Посещали же обитель от 45 до 60 тысяч человек в год. Деньги, выделяемые Глинским монастырем, получали школы и духовные училища епархии. Активно помогала пустынь и государству в дни военных лихолетий³⁵. Большую духовную пользу приносили народу издаваемые обителью «Глинские листки», содержащие житийные материалы, проповеди святых отцов. Как отмечает в своем исследовании о Глинской пустыни схиархимандрит Иоанн (Маслов), беспрецедентный размах помощи мирянам, оказываемый со стороны монастыря, «никогда не сопровождался материальной пользой для обители», это было лишь «средство, позволяющее братии монастыря осуществлять истинное благотворение русскому народу во имя Христова»³⁶.

Судя по тому, что в Глинской пустыни строгость монастырской жизни в течение XIX — начала XX в. не претерпела изменений, можно говорить о том, что вторжение мира в монастырскую жизнь погашалось братской молитвой, как погашалось то, что мы называем монастырской благотворительностью. Монастырь духовно не страдал от того, что много и щедро помогал мирянам в самых разных областях. Причина этого нам видится в том, что в монастыре подвизалось много старцев, и богатства, которые приходили и уходили из обители, проходили через их руки, через их благословение и молитву. Не случайно читать *неусыпаемую Псалтырь* ставили здесь не 12 юных послушников, а 4-х схимников. То есть этот важнейший канал проникновения мирского духа в обитель был перекрыт в монастыре, как на вход, так и на выход. Судя по имеющимся сведениям, только однажды обитель посетило искушение, но и оно скорее было испытанием

³⁰ Глинская пустынь / Очерк состояния обители. С. 64–65.

³¹ Опыт исторического исследования. В путях Промысла Божия в судьбах Самарского Иверского женского монастыря в период 50-летнего существования его от возникновения в 1850 до настоящего времени / сост. прот. Георгий Третьяков. Самара, 1905. С. 57.

³² Глинская пустынь. С. 64; Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI—XX веках. М., 1994. С. 363, 399.

³³ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Указ. соч. С. 168.

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ Там же. С. 408.

³⁶ Там же. С. 406–407.

ее на прочность, нежели стало показателем ее слабости. Недоброжелателями был оклеветан настоятель старец схиархимандрит Иоанникий. Клевета возымела действие в Петербурге, настоятель был уволен с должности и удален из пустыни. «Когда схиархимандрит Иоанникий уходил из обители, вокруг Глинской пустыни был сильный весенний разлив рек, вода поднялась высоко, а старец вышел из монастыря, перекрестил воду и на глазах у всех пошел по ней как по суку, повторив чудо, совершенное некогда преподобным Иоанникием Великим»³⁷. Судя по всему, традиция сложного поминовения сохранялась на Валааме, потому что именно взносы «на поминовение» (более 100 000 руб.) составляли главную статью дохода монастыря³⁸.

Задонский Богородицкий мужской монастырь, где упокоился святыми мощами святитель Тихон Задонский, был также из числа обителей, совмещавших старинную традицию сложного поминовения с широчайшей благотворительностью. Подвижнический дух в монастыре сохранялся и поддерживался и благодаря этому здесь не только успевали и молиться за благотворителей, и опекать нуждающихся, но и делали это неформально. В монастыре имелось несколько синодиков: печатный — 1826 г. — «с тремя реестрами»; и остальные четыре, написанные от руки полууставом: общий; срочный; вечный; помянник или синодик Задонского Богородицкого монастыря, составленный при архимандрите Самуиле в 1830 г.³⁹ Как пишет автор истории монастыря: «Обитель эта обильна заупокойными молитвами». Синодик читается за литургией, за литией после ранней литургии. Поминаются усопшие также во все положенные дни общецерковных поминовений. Особым образом проходили в обители памяти святителя Тихона. После литургии с амвона читалось завещание святителя, после чего во дворе начинали кормить нищую братию. Три дня монастырь и приезжие помещики кормили нищих в память святителя. Сохранился любопытный документ, написанный рукой грузинской царицы Марии с просьбой помянуть ее усопшего мужа: отслужить по нем две обедни, а также «ежели это возможно будет, что и всяк из монахов в свою очередь отслужил по 12 обе-

ден», с последующей панихидой⁴⁰. В престольные праздники (21 мая, 23 июня, 26 августа) проводятся ярмарочные съезды возле монастырских стен. Монастырь много благотворил. Посылались деньги на военную помощь, выкуп пленных, на учебу семинаристов, на помощь бедным через комитет попечительства, на помощь крестьянам в неурожайные годы, сербам, сестрам милосердия и т. д.⁴¹ В монастыре существовало «Тихоновское благотворительное общество», опекавшее 40 беднейших семейств (300 руб. серебром ежегодно) и 20 круглых сирот духовного училища, еще 20 из бедных семейств. С 1866 г. монастырь стал ежегодно вносить 1 000 руб. в Воронежское духовное попечительство для помощи девицам духовного звания. Монастырская больница постоянно принимала и бесплатно лечила больных мирян.

Д. И. Ростиславлев в своей известной книге, посвященной церковным богатствам, приводит сведения о цене на требы, связанные с поминовением в монастырях. Так называемый «вечный помин» существует во многих мужских монастырях как каждодневный помин на проскомидии. Но очевидно, что само понятие «вечный помин» трактуется неоднозначно. Например, в Александро-Невской лавре сюда входит поминание на проскомидиях, на вселенских панихидах, а также — совершение особых заупокойных литургий и панихид в дни рождений и тезоименитств и дней кончины умершего. Все это подразумевало сложную систему ведения записей и их воспроизводства. За подобную услугу лавра брала 1 000 руб. Но здесь же вечный помин мог быть более дешевым, если речь шла лишь о проскомидиях и ранних литургиях⁴². В Киево-Печерской лавре вечный помин с ежедневным поминанием на ранней обедне оплачивался суммой 75 руб., а с поминанием на поздней — 50 руб. Была еще возможность записи в родовой и общий синодик. Первое стоило 2 руб., второе — 1 руб. Недорогими были здесь и каждодневные годовые поминания на проскомидии — 60 коп.; на ектеньях — 1 руб. 50 коп., или же 3 руб.⁴³ Еще дешевле стоил вечный помин в Соловецком монастыре — 1 руб. 50 коп. или в Киевском Флоровском — 1 руб. Автор отмечает, что его поразило большое число синодиков, в которые лаврским монахам приходится запи-

³⁷ Там же. С. 377.

³⁸ Богатство и доходы духовенства / сост. В. Кильчевский. СПб., 1908. С. 12.

³⁹ Геронтий (Кургановский). Историко-статистическое описание Задонского Богородицкого монастыря. М., 1871. С. 98.

⁴⁰ Там же. 147.

⁴¹ Там же. С. 109.

⁴² Ростиславлев Д. И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб., 1876. С. 174.

⁴³ Там же. С. 175.

сывать новые имена. Лаврский синодик читался в нескольких местах: в Великой церкви, в больничном храме, в обеих пещерах и в Китаевой пустыни⁴⁴.

Приведенный Ростиславлевым перечень доходов разных монастырей от помина на проскомидии ясно указывает как на факты существования в той или иной обители «сложного помина», так и на его отсутствие. В Саровской пустыни этот доход составлял 4 907 руб.; в Троице-Сергиевой лавре — 1 045 руб. (синодичный доход) и 2 234 руб. (псалтирный); в Николо-Угрешском — 1 500 руб.; Юрьевском Новгородском — 1 021 руб.; Тотемском — 1000 руб. Небольшие обители имели доход 200-300 руб.⁴⁵

Можно предположить, что кроме указанной причины сохранения сложного помина — подвижничества в данных обителях — можно говорить и о непрерывности старой традиции в обителях имеющих всероссийское значение крупнейших паломнических центров. Ориентация на огромный поток богомольцев заставляла эти обители отстаивать старый порядок вещей, хотя монастыри перестали получать в качестве дарений прежние крупные вклады. Безусловно, это отражалось в первую очередь не на самих монастырях, а на вкладчиках, которые в целом получали значительно более облегченную возможность «вечного поминовения». Ситуация была отлична от той, которая существовала в период Московской Руси. Там на Церковь буквально обрушился вал земельных и прочих дарений, миряне максимально сбрасывали с себя ответственность за будущие судьбы рода на монастырские плечи. И эта ответственность была и тяжела, и высока. Здесь — монастырям передавались не такие уж большие суммы (по ценам того времени), но ответственность требовалась столь же высокая. Преподавателя Духовной академии Д. И. Ростиславлева удивляет то, почему народ все же стремится подать свои записочки о поминовении в монастырь, а не в обычный храм, ведь сам он не находит разницы, где поминать усопших⁴⁶. Собственно перед нами — одна из причин возникшей разницы между веком XVI и XIX в. В прежнее время православные старались отдать на помин максимально много, нередко большую часть своего состояния. Монастырь виделся людям как место сугубой молитвы, подвига и отречения от мира, его особая близость к небесам

ни у кого не вызывала сомнения. Этим монастырь и заслуживал особого внимания вкладчиков. В новое время люди укладывались в ту небольшую квоту, что им назначал монастырь. Но это не значит, что именно с монастырем были связаны все эти перемены. Изменилось общество. Став светским, оно, хотя и не порвало с церковностью, но по-другому стало смотреть на нее, а именно — рационально, как того требовала освободенная от ежедневной опеки церковности светскость. Глубина рационализма была разной, она зависела от образованности и от отношения человека к различным философским и идеологическим системам, от степени его отстраненности от церковной жизни. Пропасть между верой и знанием пролегла через все русское общество, но глубина и ширина этой пропасти не была одинаковой.

Подчиняясь духу времени, рационалистическим переменам, сама Русская Церковь, включая монастыри, приняла на себя условную долю формализма, необходимую для функционирования в рамках светского государства. Изъятие земель (секуляризация) у Церкви была частью этой общей программы по рационализации и отделения светскости от церковности. Отсюда эквивалент бесценного дара-пожертвования должен был быть заменен на определенную разумную сумму. Многие монастыри пытались сохранить старую традицию сложного поминовения, но уже без «сложного дара-пожертвования», сталкивались с проблемой формального отношения к поминовению. А ведь в прежние века за сложным поминовением стояла не просто поминальная культура, но — евангельская традиция вывода излишнего богатства из мирского обращения, чтобы не появлялось богатство, которым нельзя было бы управлять, которое бы само диктовало людям правила жизни. Таковым оно было, скажем, в период жизни Спасителя в Иудее. Очевидным образом попытки сохранения синодиков, вечного поминовения и в целом сложной поминальной культуры в их прежнем значении, были локальны, поэтому мы не можем рассматривать этот путь как магистральный для всего русского общества в синодальный период.

Возможность уплачивать за «вечное поминовение» некий условный денежный эквивалент делала эту форму поминовения доступной уже не только для монастырей, но и для приходских храмов. И такая практика действительно появ-

⁴⁴ Там же. С. 179.

⁴⁵ Там же. С. 180.

⁴⁶ Там же. С. 181.

ляется и распространяется в приходской среде. Вечное поминовение упоминается в 1870-е годы в епархиальной прессе как обычное явление, известное и Синоду, и императору⁴⁷. Например, за «вечный вклад» в одну из вологодских церквей «крестьянская девица» платит 200 руб., но в другом храме крестьянин платит уже 1000 руб.⁴⁸ При этом вологодские монастыри принимают вклады на совершение заупокойных литургий, цена которых колеблется в пределах нескольких тысяч руб. Например, для совершения «заупокойной литургии на каждой неделе в четверг» в Успенском Вологодском монастыре требовалось 3 000 руб. вклада, то же было и в Устюжском Иоанно-Предтеченском монастыре⁴⁹. В конце концов, эта быстро набирающая темпы тенденция к упрощению «вечного помина» стала вызывать нарекания в духовной среде, об этом стали писать в критическом тоне⁵⁰.

Вот почему следует помнить, что был другой путь преобразования материальных богатств в идеальные, не связанный с сохранившейся традицией сложного поминовения, и этот путь был реализован в создании новых общежительных женских монастырей. Хотя все начиналось с активного строительства новых приходских и домовых храмов в помещичьих усадьбах. После опубликования «Жалованной грамоты дворянству» (1785 г.) немалое число дворян покинуло государственную службу, уйдя из армии, переехало в деревню и стало помещиками. Устройство усадеб на новый лад («по-европейски») сопровождалось бурным процессом храмостроительства (большой частью каменного), что, по сути, означало, начало нового этапа процесса передачи материального богатства в церковные руки. С этого времени можно говорить о средней величине распределения дворянского богатства на эти цели⁵¹. Помещики брали на себя обязательства наделения священника и причта необходимой землей, или вместо земли — деньгами и продуктами⁵².

Нет статистики по сословному распределению вновь возникших храмов за период с конца XVIII по начало XX в., но будем исходить из соотношения владения землею со стороны дворянства и крестьянства за этот период: в 1760-е годы средняя доля дворянского землевладения составляла 36 %; в 1860-е годы — 79,8 % (73,1 млн дес.), а крестьянского — 1,9 % (2,8 млн. дес.); в 1905 г. дворянское — 61,9 % (53,2 млн дес.), а крестьянское — 28,6 % (24,6 млн дес.); в 1915 г. дворянское — 57 % (42 млн. дес.), а крестьянское — 35,4 % (33,6 млн дес.)⁵³. Если их за указанный отрезок времени всего возникло 22 374 храмов⁵⁴, то на дворянскую часть приходится большая часть построенных из общего их числа. Учтем и то, что кроме построения храма помещики брали на себя и содержание храмового причта, с выделением ему земли в пределах около 30 дес. пахотной земли, 3 дес. — сенокосной и 80 сажень — усадебной⁵⁵. Для многих помещиков в приходских храмах важным было проведение ранних литургий, которые даже назывались «заупокойными» или «поминальными», т.к. они были специально посвящены поминовению усопших из рода конкретного помещика. В том случае, если в церкви не было дополнительного престола, таковой устраивался специально для проведения ранних заупокойных литургий⁵⁶.

Для крестьян, как показывают региональные материалы, местное храмопопечение входило в число важнейших сфер сложения денежных средств⁵⁷. Причем не всегда это были копейки, как привычно нам думать в отношении крестьянства, но нередко — десятки, сотни и даже тысячи рублей. Исследуя динамику крестьянского храмопопечения в Вологодской губ., Н. А. Шушвал затрагивает и вопрос содержания пожертвований. В связи с чем выясняется следующая картина. Хотя в целом наблюдался рост крестьянских пожертвований (49 398, 46 руб. — во второй половине XIX в.; 134 009, 75 руб. в начале XX в.)

⁴⁷ Разное // Воронежские епархиальные ведомости. 1873. № 4. С. 75.

⁴⁸ Разные известия по епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1909. № 1. С. 22–223.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Прокопьев В., свящ. О записях на вечное поминовение // Воронежские епархиальные ведомости. 1876. № 2 и № 9.

⁵¹ Кириченко О. В. Дворянское благочестие. М., 2002. С. 265–267.

⁵² Объем пожертвования был в пределах нескольких десятин сенокосной земли, нескольких десятков десятин пахотной и менее десятины — усадебной. — Там же. С. 267.

⁵³ Баранов К., Проскурякова Н. Дворянское землевладение: Русское хозяйство. М., 2006 / под ред. О.А. Платонова. С. 273–275; Проскурякова Н. Крестьянское частное землевладение: Там же. С. 434.

⁵⁴ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 665.

⁵⁵ Кириченко О. В. Дворянское благочестие. С. 267.

⁵⁶ Там же. С. 269.

⁵⁷ Шушвал Н. А. Храмопопечение в традиционном укладе жизни севернорусских крестьян (по материалам Вологодской губернии второй половины XIX — начала XX века) / Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2014. С. 164.

более чем в 3 раза, но изменилась направленность жертвуемых капиталов⁵⁸. Если во второй половине XIX в., очевидно по традиции, первенствовали деньги на поминание живых и усопших, то в начале XX в. начинает главенствовать «забота о благолепии храма»⁵⁹. Это значит только к началу XX столетия старая допетровская традиция стала заменяться новой. И смена вектора с «помяновения» на «благолепие» — яркое тому подтверждение.

Но дворянское храмосодительство явилось лишь началом того важного процесса, который привел к появлению еще более церковно глубокого явления, связанного с устройением новых монастырей. Новых, и по типу, и по содержанию. С начала XIX в. постепенно (из городов — в веси) начинает набирать силу процесс образования женских общин, с ориентацией их на будущее монастырское общежитие. Часть таковых общин возникает или в провинциальных городах на месте закрытых в 1760-е годы монастырей, или в помещичьих имениях, большей частью по инициативе их владельцев. По нашим подсчетам около трети всех вновь возникших за синодальный период женских монастырей и общин образовалось именно таким образом⁶⁰. Если учитывать, что за XIX — начало XX в. появилось около 400 новых монастырей⁶¹, то к «дворянским» следует причислить приблизительно 133 общины. Большей частью «дворянские»⁶², по происхождению, общины устраивались в центральной и западной части России. К ним следует отнести самые известные новые женские обители того времени: монастыри Дивеевский Свято-Троицкий, Бородинский Спасский, Аносин Борисоглебский, Казанскую Шамордину пустынь и др.

Образование женских общежительных монастырей было делом настолько грандиозным, что мы вправе сравнивать этот стремительный процесс, по характеру чисто подвижнический и всесословный, с теми явлениями, которые происходили в Русской Православной Церкви в XIV—XV вв. и которые обозначались, по образ-

ному выражению А. М. Муравьева, как создание *Северной Фиваиды*. Благодаря женскому подвижничеству вновь возникающие общины и общежительные монастыри создавали внутри себя и такой обязательный элемент церковной традиции, как сугубая поминальная культура. Вырастая на средствах благотворителей, насельницы монастырей считали своим священным долгом постоянно помянуть за здоровье и за упокой своих благодетелей. В числе основных заповедей, оставленных преподобным Серафимом Саровским дивеевским сестрам, была заповедь о «денном и ночном» чтении псалтири за благотворителей, «начиная с Царской Фамилии, за всех благотворящих обители в этой же самой нижней церкви, 12-ю на то нарочито определенными и переменяющимися по часу сестрами, в воскресные неопустительно всегда перед литургией служить Параклис Божией Матери весь нараспев, по ноте»⁶³. Божия Матерь была главной попечительницей общины, а потом монастыря, поскольку здесь находился ее Четвертый удел.

Неусыпаемая Псалтырь, то есть непрерывно читаемая день и ночь попеременно специально назначенной чередой сестер, была основной формой поминаения живых и усопших в женских общежитиях синодального периода. Не везде поминали одинаково; в обителях, где подвижнический дух был более высокий, помянанию уделялось самое серьезное внимание, чищ было не меньше двенадцати, а иногда и более, и они состояли из монахинь и рясофорных послушниц. Например, в Троекуровском Иларионовском монастыре Тамбовской епархии Псалтырь читали 29 человек. Кроме того, одна монахиня читала еще синодик, очевидно, на проскомидии, перед Литургией⁶⁴. Чтение синодиков редко упоминается в истории женских монастырей этого времени, очевидно, это было не столь заметное послушание. Есть упоминания в ряде случаев, что монастырю чтение синодиков приносило небольшой доход⁶⁵. Надо понимать, что в целом поминание благодетелей как треба не

⁵⁸ Там же. С. 83–95. Автор пользуется рапортами благочинных, где приводится статистика по пожертвованиям, которые были зафиксированы епархией.

⁵⁹ Там же. С. 94.

⁶⁰ Среднее распределение по 1/3 доли приходилось на дворянство, крестьянство (доля которых была несколько больше других) и совокупную долю купечества, мещанства и священства. В тенденции доля крестьянских общин росла, и можно допустить, что уже к 1920-м годам она бы занимала не треть, а половину.

⁶¹ Кириченко О. В. Женское подвижничество в России. XIX — середина XX в. Свято-Алексиевская пустынь, 2010. С. IX.

⁶² «Дворянские», означает, что созданием своим эти монастыри обязаны в материальном смысле дворянству.

⁶³ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / сост. Архимандрит Серафим (Чичагов). В 2-х частях. СПб, 1903. Ч. 1. С. 280.

⁶⁴ Кириченко О. В. Женское подвижничество. С. 402.

⁶⁵ Он же. С. 405.

могла приносить монастырям больших доходов. Например, в Московском Алексеевском монастыре за «неугасимую Псалтырь» за одно имя брали на 40 дней 50 руб., а на год — 100–200 руб.⁶⁶ Дело было не в трудах. Основная часть «монастырских благодетелей» рассчитывала не на срочный, а скорее бессрочный вклад, на то, что монастырь их никогда не забудет. Легко объяснить причину сосредоточения в Троице-Сергиевой лавре самых значительных земельных богатств в прежние века. Землю дарили не только для частого и аккуратно исполняемого поминовения, но и потому, что за жертвователя помолится перед Богом сам преподобный Сергей. На ту же мотивацию выходили и новые женские обители, когда молились за своих благодетелей.

Псалтырное поминание, конечно, нельзя относить к сложному поминанию, при том, что и Псалтырь была *неусыпаемой*, и молитва была искренней и обязательной. Женские обители в любом их качестве не могли создавать у себя сложную поминальную культуру, по одной простой причине: женщины не могли сами совершать богослужения. Сложное поминовение требовало не только молитвенниц в храме, но и большого числа иеромонахов, которые могли бы на проскомидии вынимать большое число частиц и поминать по синодику большое число благодетелей. И все же новые женские монастыри и общины выходили из положения. Тесная их связь с духовными опекунами — старцами из Оптиной, Глинской, Саровской пустыней и других обителей позволяла туда передавать списки имен, за которые нужно было сугубо, «по-старинному», молиться. И не случайно мы обнаруживаем в указанных мужских обителях существование русского синодика и практики сложного поминовения.

В строительство новых женских обителей уходило немало пожертвованной благодетелями земли и денежных средств. Объем земли (в целом — пахотной, сенокосной, лесной), необходимый для поддержания жизнедеятельности общины или монастыря, в среднем колебался от нескольких сот десятин до тысячи, в редких случаях — более. Деньги были важны для поме-

щения их в банк, чтобы получать ежегодные гарантированные проценты, близкие тому, которые имели штатные монастыри от государства. Речь идет о суммах от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч рублей. Государство выделяло штатным монастырям небольшие суммы: так, в 1910 г. на нужды монастырей было отпущено 397 267 руб. (243 551 руб. — на мужские и 153 712 руб. — на женские). Это составляло 1,1% сметы Св. Синода⁶⁷. Но в ряде случаев монастыри получали деньги из кабинетных сумм императора. Так, Аркадьевский Вознесенский в г. Вязьме получал из этого источника ежегодно 300 руб. «милостыни»⁶⁸. Тот же монастырь в пору своего еще общинного устройства получил от вяземского купечества 11 000 руб., без которых он не смог бы подняться. Приведем еще несколько примеров, чтобы представить некую среднюю картину таких пожертвований.

Феодоровский женский монастырь в Переславле-Залесском Владимирской губ. в начале XX в. имел 1 000 дес. земли, 200 000 руб. неприкосновенного капитала. Земля была пожертвована помещиком Глинским, также крестьянином В. Р. Рыбаковым. На ней построили храм, сельскохозяйственные постройки, церковноприходскую школу на 60 детей⁶⁹. Верхо-Харьковский Николаевский общежительный женский монастырь возник на земле пожертвованной помещиком И. И. Степановым. Он внес 150 000 руб. в банк, отдал господский дом с садом, 33 дес. земли, обязался расширить церковь, построить ограду и колокольню⁷⁰. Лысогорская Успенская — чисто крестьянская община в Воронежской губ., главным богатством, которое позволило ей стать монастырем, имела землю, пожертвованную крестьянским миром (по крестьянскому приговору от 19 дек. 1879 г. община получила 80 дес. земли, позже крестьяне выкупили землю у казны для общины в полную собственность) и купеческой вдовой В. А. Иловой (матерью известного историка), которая купила для нее 218 дес. 272 сажени. Опираясь на собственные труды, община стала получать

⁶⁶ Рославлев Д. И. Указ. соч. С. 179.

⁶⁷ Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. С. 173.

⁶⁸ Жмакин Василий, прот. Игуменья Вяземского Аркадиевского монастыря Августа (в мире княжна Ширинская-Шихматова). М., 1897. С. 138–139.

⁶⁹ Игуменья Евгения, настоятельница Феодоровского женского монастыря в Переславле-Залесском Владимирской губернии (к 40-летию в сане игуменьи). Владимир, 1915. С. 6.

⁷⁰ Биография игуменьи Емилии, основательницы Верхохарьковского Николаевского второклассного общежительного девичьего монастыря. Сочинение монахини Леониды (Сурагиевской). Харьков, 1878. С. 22.

5 000 руб. в год, на что и содержала священника (300 руб.) и 60 сестер⁷¹. Женская община в с. Новом Галицком у. Костромской епархии опекалась вдовой поручика Е. Н. Варенцовой, которая выделила общинникам 450 дес. земли и 4 000 руб., а также — ежегодно по 300 руб. Она обещала, что после ее кончины эта сумма будет увеличена⁷². Женская община в д. Александровка Воронежской губ. в имени баронессы Анны Боде, с богадельней и больницей для престарелых и больных женщин, имела от баронессы 580 дес. земли и 10 000 руб. Для обители построена каменная церковь в 1866 г.⁷³ Николо-Тихвинская община в Воронежской губ. возникла в имени В. Н. Щабельской в 1889 г. Часть земли была подарена общине крестьянином Курской губ. П. А. Афанасьевым — 25 дес. Ежегодный доход общины 6 654 руб. 53 коп. Из них — продажа свечей — 1113 руб. 94 коп., от продажи просфор — 523 руб. 29 коп., от служения молебнов и поминовений — 807 руб. 71 коп., от пожертвований на поминовение при чтении Псалтыри — 604 руб. 38 коп. и т. д.⁷⁴ Общину посещает в течение года до 12 000 богомольцев⁷⁵. Медянская община в Симбирской епархии получила от жертвователей 138 дес. земли и 12 000 руб. В общине 40 общинниц (1876 г.). Земля получена от крестьян и дворянина⁷⁶. Деньги — от прот. Авраамия Некрасова из г. Арзамаса. Покровская община близ села Усть-Карабольского Шадринского у. Екатеринбургской губ. получила 100 дес. земли от купчихи Анны Шахматовой в 1899 г.⁷⁷ Кирило-Улитинской общине в Ладвинском приходе Петрозаводского у. Олонецкой епархии купец Василий Кипрушкин пожертвовал 15 000 руб. и 10 000 руб. на содержание свя-

щенника. Также купец передал общине необходимую пахотную и сенокосную землю (эту землю он арендовал у крестьян сроком на 40 лет)⁷⁸.

Женские общежительные монастыри имели неодинаковые объемы земельных владений, но в целом они варьировались в пределах несколько сот десятин, в большинстве случаев — менее пятисот. Приведем эти сведения на 1910-е годы по нескольким епархиам. В представленной цифре мы суммируем три показателя: пахотную землю, покосную и лесную, а иногда — «негодную» землю. Тверская: 208 дес., 350, 342, 73, 130, 600, 500, 410, 280, 262, 10 811, 177, 189⁷⁹; Вологодская: 782, 48, 171, 2500, 200⁸⁰; Костромская: 1386, 246, 170, 697, 95, 623, 342, 1359, 3074, 584, 77⁸¹; Симбирская: 257, 348, 20, 275, 420, 244, 265⁸²; Вятская: 242, 208, 139, 0, 0, 384, 114⁸³; Владимирская: 181, 1229, 267, 355, 180, 176, 36, 91, 65, 197, 263, 72, 29, 35, 225, 35, 667, 5⁸⁴; Донская Обл.: 1346, 407, 200⁸⁵; Саратовская: 552, 486, 2214, 184, 1400, 240, 321, 1599, 527, 701⁸⁶; Екатеринбургская: 673, 137, 36, 267, 254, 298, 223, 88, 16, 146⁸⁷. Средний объем земли, приходящийся на одну общину, получается равным 300 дес. Но такую цифру получим, если не будем учитывать данные свыше 1 000 дес. Таковых действительно немного в каждой епархии, один-два случая. Учтем и среднее для общин с объемом земли свыше 1000 дес. Получается цифра 2745 дес. 90 % женских монастырей имели в среднем по 300 дес. земли (пахотной, покосной и лесной), что в сумме составляло 108 000 дес. 10 % остальных женских обителей владели 109 800 дес. земли. Общий же объем монастырской земли в женских обителях будет равняться 217 800 дес. Это и будет в значительной степени той долей *нетленного капитала*, в земельном его выражении, которое было выделено русским

⁷¹ Торжество открытия Лысогорской Успенской общины, совершившееся 25 сентября 1890 г. // Воронежские епархиальные ведомости. № 23. С. 916–927.

⁷² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 154. Д. 1372. Л. 1–1 об.

⁷³ Там же. Оп. 34. Д. 137. Л. 1–2.

⁷⁴ Там же. Л. 10 об.

⁷⁵ Там же. Оп. 179. Д. 2294. Л. 4–11. (1898 г.)

⁷⁶ Там же. Оп. 157. Д. 375. Л. 1–11 об. (1876 г.)

⁷⁷ Там же. Оп. 70. Д. 46. Л. 3.

⁷⁸ Там же. Д. 46. Л. 100.

⁷⁹ Там же. Оп. 440. Д. 970. Л. 37–41.

⁸⁰ Там же. Д. 970. Л. 46–47.

⁸¹ Там же. Д. 986. Л. 46–49.

⁸² Там же. Д. 1009. Л. 31–56.

⁸³ Там же. Д. 973. Л. 32–44.

⁸⁴ Там же. Д. 969. Л. 31–35.

⁸⁵ Там же. Д. 976. Л. 155.

⁸⁶ Там же. Д. 1008. Л. 16–18.

⁸⁷ Там же. Д. 977. Л. 85–166.

обществом в XIX — начале XX в. на высокие цели. Что касается объема всей земли принадлежащей и мужским и женским монастырям, то на начало 1900 г. 697 монастырей имели 496519 дес.⁸⁸

Не вся эта земля была частным пожертвованием, потому что часть ее — в объеме 100–150 дес. — все женские монастыри в 1880-е годы стали получать от государства, а, значит, оно тоже было причастно к искомой доле духовной конвертации богатства и доле в сугубом поминовении. И действительно, каждый император с семьею (и здравствующий и покойный) поминались всегда в каждой женской обители не за страх, а за совесть. Молитва за царский дом была непременной частью их монашеского долга и любви. Без царской визы не открывался ни один монастырь, ни одна община. Кроме того, нередко государи одаривали обители своими личными денежными взносами, по примеру старинных русских царей и по собственному благочестию. К юбилеям заслуженные игумены получали из императорского кабинета специальные награды — наперсные кресты и другие поощрительные знаки их трудов. Общераспространенный монархизм монахинь был одной из причин жестоких гонений на них в годы революции и Гражданской войны.

Конечно, 300 десятин земли не могли прокормить многие женские обители, где число насельниц в среднем было не меньше 300. Уже в XX в., когда церковная и государственная власть почувствовали пользу от женских обителей, возникают проекты комплексного создания монастырей на западных границах России, и особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. При обсуждении проекта речь идет о сметах. Инициатором данного проекта был миссионер прот. Иоанн Восторгов (ныне прославленный в сонме новомучеников), который предлагал свои расчеты, государство же явно занижало суммы расходов. Протоиерей Иоанн предлагал Синоду в 1910 г. основать в Томской епархии несколько новых миссионерских монастырей. Речь шла о пяти мужских и четырех женских обителях. В целом же проект был рассчитан на открытие в Сибири и на Дальнем Востоке 61 нового монастыря «как центров религиозной жизни среди населения» с отводом для них казенных угодий. Прот. Иоанн говорил: «Для монастырей, которые будут основаны в Западной Сибири, надо отводить от 1 до 1,5 тысяч десятин — для мужских монастырей и от

800 до 1 тыс. дес. — для женских. Нужно ответить земли для уже существующих 9 монастырей Зауралья». Синод со своей стороны настаивал на норме в 300 дес. В ответ на предложения Синода о наделении новых монастырей 300-ми десятинами земли начались возмущения «миссионеров на местах». Они говорили, что норму надо повысить до 3000 дес. земли на один мужской монастырь и 2 000 дес. на один женский. Тогда «монастырь не будет фикцией, а положительной силой в церковно-государственном служении Родине»⁸⁹. Но планы эти не были осуществлены.

Сложнее учесть ту общую *сумму денег*, которая была затрачена жертвователями на новые женские и отчасти мужские обители в течение XIX — начала XX вв., поскольку почти никаких общих сведений по отдельным монастырям на этот счет не существует. Сумма складывалась в каждом конкретном случае из пожертвований общего характера и пожертвований на конкретные цели, скажем, — на строительство. Многие общины и монастыри старались поместить большой капитал, переданный на общие цели, в банк для ежегодного получения процентов. Долгое время общины не могли получить официальный статус — до того времени, пока у них не появится определенное количество земли и суммы для помещения в банк. Выше мы привели сведения по некоторым женским обителям, по которым видно, что сумма «общих денег» варьировалась от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч рублей. Последнее можно считать скорее исключением из правил, нежели правилом. Картина с денежными пожертвованиями напоминает ситуацию с земельными дарами. Как и там, здесь наблюдается существование двух типов жертвователей: богатых и средней руки. На строительство всей инфраструктуры в одном монастыре (храмы и специализированные сооружения: сестринские кельи, больничные, учебные, хозяйственные заведения) затрачивалось по приблизительным подсчетам до полумиллиона рублей. Значит, в целом для 400 обителей эта сумма будет равняться 200 млн руб. Из них половина суммы будет приходиться на деньги, заработанные самим монастырем, а на долю жертвователей — 100 млн. руб. 90 % монастырей жили на очень небольшой среднегодовой доход, порядка 5–7 тысяч руб. Это объясняет тот факт, что строительство крупных проектов, таких как храмы, растягивалось на 10–12 лет.

⁸⁸ Зырянов П. Н. Указ соч. С. 295.

⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 1173. Л. 3–23.

Прибавим к «инфраструктурным» деньгам долю «общей суммы» (средний вклад жертвователей колебался в пределах 10 000-15 000 руб., поэтому остановимся на средней цифре 12 000 руб.) в 4 800 000 руб. Итого, получается сумма 104 800 000 руб. Ее и обозначим как ту условную сумму пожертвований, которые благодаря женским монастырям и общинам прошли конвертацию из материальных денег в духовные за более чем столетний период. Если разделить эту сумму на 87 068 534 православных того времени, то каждому достанется по 83 копейки этих «нетленных денег». Но все дело в том, что предназначались они не всем, делили их между собой только жертвователи, монашествующие и те души усопших, для кого они тоже предназначались. В этом случае суммы для каждого в отдельности уже будут другими.

Были, конечно, такие уникальные дарители, которые не просто раздавали все свое имение, но и делали это со всероссийским размахом. Речь идет о колоссальных богатствах, какие имели, скажем, графиня А. А. Орлова-Чесменская или сибирский купец И. М. Сибиряков. Графиня Орлова-Чесменская, в иночестве Агния, таким образом, распорядилась богатствами отца. Ее отец — граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (ум. 1808 г.) — участник заговора против императора Петра III и его убийства, потом царедворец, возвышенный новой императрицей, герой Чесменского сражения, участник войны с Наполеоном в 1806 г., обладатель огромного многомиллионного состояния. По официальным известиям после его кончины осталось 5 090 000 руб. и 30 000 душ крестьян⁹⁰. Богатства до конца жизни продолжали служить графу своего рода поддержкой его особого положения в обществе, его статуса в глазах аристократии, оправданием его особых заслуг перед троном. По-другому стала смотреть на это богатство наследница графа — его дочь графиня Анна Алексеевна (ум. 1848 г.). Причем до поры она находилась в полном неведении относительно происхождения денег отца. Уже после его смерти и потери своего первого духовника графиня обратилась за духовными наставлениями к архимандриту Фотию, и впервые услышала от него слова о греховности накопленного отцом

богатства. Вот как передает этот разговор одна из современниц: «Ты не очень превозносишь своим богатством: оно греховное, преступно нажитое»⁹¹. С той поры, как человек глубоко религиозный, графиня видела свою задачу в том, чтобы вернуть эти деньги в духовную сферу. Жизнь ее после кончины отца протекала под духовным руководством старцев, сначала Ростовского иеромонаха Амфилохия, а потом, после его кончины — архимандрита Юрьева монастыря Фотия (ум. 1838 г.). Ежедневно в новгородском Юрьевском монастыре служилась ранняя заупокойная литургия по родителям графини, а потом совершалась лития, а в субботу — панихида. Графиня вела строгую подвижническую жизнь, посвященную молитве, воздержанию и благотворительности. В дни поста она держала строжайший пост по заповедям древних отшельников (на Страстной неделе вкушала только в Великий Четверг), молилась ночами, приходила в монастырский храм в три часа ночи. Ее подвижничество позволило духовно рассудительно использовать свое наследство на церковные нужды и благотворительность. Она восстановила благолепие древнего Юрьевского монастыря, наделила щедрыми милостынями все русские монастыри (по 5 тысяч руб. 340 монастырям); 48 кафедральных соборов получили по 3 тысячи руб.; каждая епархия — по 6 тысяч руб. «для вдов и сирот из духовного сословия»; большие суммы имели от графини и ряд зарубежных православных храмов и монастырей, включая Афон, Святую Землю, Царьград⁹².

Сибирский купец Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860—1901), прежде чем стать афонским монахом, методично передавал свои наследственные многомиллионные богатства на разные благотворительные (включая научные и издательские) и церковные дела. Одному только Свято-Андреевскому скиту он передал 2 млн 100 тысяч руб. Как и графиня Орлова, он передавал деньги многим русским монастырям, также он отстроил на Афоне самый большой на Балканах собор во имя святого апостола Андрея Первозванного⁹³.

Примеры графини А. А. Орловой-Чесменской и купца И. М. Сибирякова, если говорить о масштабах церковной и благотворительной

⁹⁰ Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992. С. 229.

⁹¹ Рассказы бабушки. С. 275.

⁹² Роуз Серафим, иеромонах. Тайная монахиня Агния. Жизнеописание благодетельницы Св. Руси графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской // Русский паломник. № 27. 2003. С. 16.

⁹³ Шорохова Т. С. Ктитор Афонского Свято-Андреевского скита схимонах Иннокентий (Сибиряков) — выдающийся представитель русского купечества // Возрождение православных монастырей и будущее России / Материалы III Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород, 2007. С. 514—515.

помощи (передачи всего принадлежащего им богатства), скорее — исключение, чем правило для той среды, к которой они принадлежали по рождению. Более распространенным, хотя тоже не часто встречающимся правилом было дарение женским обителям сумм в несколько сот тысяч рублей. Огромные богатства, наживаемые большей частью придворной аристократией или людьми, сумевшими разбогатеть, используя удобство своего официального положения, большей частью уходило на украшение светского образа жизни. Как показано в книге Е. П. Карновича, посвященной судьбам аристократов XVIII — первой половины XIX в. и их богатству, говорится, что подавляющее большинство богатых людей использовали богатство для подчеркивания своего статуса в обществе. Богатства подолгу не оставались в одном роду, они дробились, перетекали из одного кармана в другой, превращались в имения, расходовались на балы, употреблялись на покупку драгоценностей, изысканной, модной одежды, оплату многочисленной прислуги, разного рода прихоти. Конечно, деньги уходили и в образование и в художественную культуру — непременную часть того образа жизни, который был характерен для аристократии⁹⁴.

Выделенная нами область «конвертации» материальных денег в духовные не была строго ограничена пределами только женских монастырей, но там находилась самая значительная по объему сфера духовной трансформации капитала. Имелись и другие места для совершения добрых дел, через приложение капиталов. Существовала огромная сфера благотворительных заведений, хотя в ней отсутствовал целый ряд условий, необходимых для превращения материальных средств в идеальные. И главное — само появление лиц, нуждающихся в помощи — было во многом на совести тех, кто являлся благотворителем этих нуждающихся. Порочность круга состояла в том, что с одной стороны эти люди стремились ко все большему обогащению, а другой — позволяли себе чуть-чуть помочь нуждающимся. По сути дела, та вопиющая бедность, которая разрасталась в русских городах с невероятной быстротой, начиная с 1880-х годов, была следствием бурных процессов, связанных с торговой, промышленной и финансовой активностью. Исследователи исто-

рии благотворительности в имперской России не могли не заметить, что болезнь вопиющего неблагополучия разрасталась гораздо быстрее, чем успевали создавать новые средства для ее лечения. Число новых благотворительных заведений не поспевало за постоянно возрастающим числом нуждающихся в помощи. Если взглянуть на общую картину этого процесса, то будет видно, что на протяжении XIX в., и особенно во второй его половине, светское начало, не только растет быстрее церковного, но и всячески старается оторваться от него, чтобы ничем не быть не связанным с церковным. Последнее обстоятельство, на наш взгляд и влияло главным образом на то, что благотворительность не могла уже оказываться в той мере, в какой общество в ней нуждалось. Пропорциональная разница между ними быстро менялась в пользу светской сферы, которая в результате уменьшения духовной опеки со стороны Церкви, становилась более оторванной от веры. По статистике, в 1840 г. на один монастырь в России приходилось 80,5 тысяч жителей страны, в 1870 г. — 103 715, в 1884 — 98 535, в 1890 — 99 540. То есть за 50 лет число монастырей относительно числа жителей не выросло, а уменьшилось. Также сократилось число архиереев относительно паствы, епархий — относительно числа верующих и священников относительно верующих. За 50 лет стало недоставать 129 700 духовенства, чтобы окормлять паству на уровне 1840 г.⁹⁵ Рост наблюдался лишь в двух областях — церковном строительстве (но и здесь недоставало 8 769 церквей) и увеличении числа монашествующих и послушников (точнее послушниц. — О. К.) на 23 242 и 12 945⁹⁶.

К концу XIX в. в стране работало более 15 тысяч благотворительных учреждений и обществ, которые в основном занимались призрением сирот и помощью детям бедных родителей⁹⁷. Но кроме детей в опеке нуждались и взрослые: старики, женщины, больные и немощные, оставшиеся без какой-либо помощи. Государство пыталось самым серьезным образом помочь нуждающимся, начиная с правления Екатерины II, когда был создан Воспитательный Дом. Весомую лепту в создание системы благотворительных учреждений внес Павел I и его супруга Мария Федоровна. В дальнейшем делом благотворительности стали

⁹⁴ Карнович Е. П. Указ. соч.

⁹⁵ Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов с 1840–41 по 1890–91. СПб., б.г. С. 13–14.

⁹⁶ Там же. 16.

⁹⁷ Максимова Л. Б. Вклад Великой княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение России (конец XIX — начало XX в.). М., 1998. С. 15.

целенаправленно заниматься супруги императоров: императрицы Елизавета Алексеевна, Александра Федоровна, Мария Александровна, Мария Федоровна и Александра Федоровна⁹⁸. Начиная с императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II, идет важный процесс соединения светской благотворительности с церковными структурами, главным образом с женскими монастырями и общинами⁹⁹. В пореформенные годы расцветает частная благотворительность, которая со временем начинает занимать ведущее место в этой сфере¹⁰⁰. В те же 1860-е — 1880-е годы церковные приходы начинают привлекаться к делу благотворительности, через особую структуру церковно-приходских попечительств¹⁰¹. Успех их был не во всех регионах одинаков, поскольку все зависело от конкретных исполнителей, входящих в состав попечительств. Если это были люди подлинно церковные, то дело шло на лад, но если суть дела определял формальный фактор и назначенцы лишь должны были создавать видимость работы, то эффект был обратный¹⁰². В предреволюционный период преподобномученица Елизавета Федоровна, сестра последней императрицы, попыталась создать эффективную систему, которая бы работала не только под общим началом (такое уже было), но коллегиально — церковно и общественно. «Сущность идеи елизаветинского благотворительного общества заключалась в использовании для призрения детей бедных родителей и сирот огромных резервов, которые таятся в единении усилий светских организаций и церковных приходов Русской Православной Церкви»¹⁰³. Поначалу система была рассчитана на Москву и Московскую губ. Если взглянуть на суммы, которые были задействованы в наиболее крупных благотворительных организациях (на 1870-е годы), то мы увидим, что они — внушительны. Воспитательный Дом обладал капиталом в 10 002 490 руб.; Совет детских при-

ютов — 1 188 494 руб.; Женское патриотическое общество — 393 489 руб.; Приюты православных приходских обществ — 6 356 руб.; Приюты детей иноверцев и иностранцев — 269 849 руб.; Приюты прочих общественных учреждений и частных лиц — 168 674 руб.; Ремесленные приюты и школы — 304 145 руб.; Среднеучебные и специальные заведения — 335 300 руб.; Филантропические заведения — 10 000 руб.¹⁰⁴

Частный капитал, хлынувший в 1870-е годы в сферу благотворительности, однако уже к началу XX в. стал менять свою ориентацию, вместо попечения о несчастных, главными сферами вложения благотворительного капитала становятся образование, просвещение и культура¹⁰⁵. Сюда активно вкладывает деньги русское купечество. Такая избирательность объяснялась не только растущей личной просвещенностью купечества или его симпатиями к сфере просвещения, но и тем, что здесь сложилась, благодаря деятельности интеллигенции и дворянства, своя сфера конвертации, где на месте богатства оказывалось знание. Купец, приносивший сюда капиталы, должен был отказаться от самой сути того, чем он занимался, чтобы эта идеальная операция конвертации оказалась успешной. Во всяком случае, эта иллюзия сопровождала купечество, двинувшее свои капиталы в область культуры на путь преобразования. Нельзя не признать того, что эти вложения в целом оказались плодотворными, позволившими реализоваться многим проектам в образовании, науке, художественной культуре, музееведении и т. д.¹⁰⁶ Нам кажется чрезвычайно важным само существование автономной — светской сферы конвертации, как и замена богатства на знание. Она была необходима новой России. И, тем не менее, кризис охватил эту сферу уже до революции, о чем красноречиво говорят судьбы, как творческой интеллигенции, так и представителей купечества¹⁰⁷. Причина этого в отступлении интелли-

⁹⁸ Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.

⁹⁹ Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867—1895. Собр. и изд. А. Завьялов. СПб., 1896. С. 75.

¹⁰⁰ Горбунова Е. Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX—XX веков. М., 1996. С. 14.

¹⁰¹ Сборник сведений по общественной благотворительности. СПб., 1875. Т. 1. Ч. 1. Сост. Семенов П. П., Андреевский И. Е. С. 2.

¹⁰² В этом случае можно говорить о том, что в отдельных епархиях это новшество не смогло привиться из-за формального подхода. См.: например, Шушвал Н. А. Указ соч. С. 144—162.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Сборник сведений по общественной благотворительности... С. 154—155.

¹⁰⁵ Горбунова Е. Ю. Указ. соч. С. 17.

¹⁰⁶ Гавлин М. Л. Предприниматели и становление русской национальной культуры // История предпринимательства в России. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1999. Кн. 2. С. 473—489.

¹⁰⁷ Там же. С. 237—255.

генции в массе своей от православной веры, из-за чего и светскость они стали рассматривать как «свою территорию», свободную от церковности. От этого купеческие деньги, переданные на поддержание «мира знания» на уровне высокопрофессиональном, высококультурном, хотя и превращались в произведения искусства, в научные исследования, в великие имена, составившие славу России, но они же — служили разрушению порядка, во всех его смыслах. Кроме того часть купечества открыто финансировала революционное движение в стране.

*Светский путь
преобразования богатства*

Начиная с XVIII в., а точнее со второй половины XVII в. для передвижения богатства в духовную сферу и преобразования его в нематериальное богатство стали возникать труднопреодолимые препятствия. Выделенный в отдельную сферу светский мир постепенно начинает заполняться земными богатствами, которые уже не укладываются в сундуки для долгого складирования, а активно пускаются на представительские цели: на дома с новой броской архитектурой, богатым внутренним убранством, на дорогую, часто меняющую стиль одежду, драгоценности, балы, прислугу. У богатства появляются вполне очевидные желания показывать себя, выделять себя в особую сферу, чего раньше было совсем незначительно. Обозначим это явление словом «демонстрация». Демонстрировать свои богатства, в отличие от того чтобы представлять свою знатность, как это было прежде, стало важным атрибутом новой светскости. Демонстрируя богатство, дворянин постепенно отказывался от конвертации материальных богатств в духовные, хотя поначалу такой связи вовсе не прослеживалось. Тот же светлейший князь А.Д. Меншиков, копил, казалось и то и другое: и в демонстративном богатстве преуспевал, и на храмы и монастыри жертвовал. Но как сам он осознал лишь потом, в березовской ссылке, когда душу его тронуло покаяние, богатство взяло над ним власть и оно стало толкать на самые неожиданные поступки. И пока Сам Бог его не смирил, князь продолжал двигаться по лестнице своих неутолимых желаний¹⁰⁸. Образ князя Меншикова — сподвижника Петра I, действовавшего на заре великих реформ, помогает увидеть, что демонстративное богатство появи-

лось сразу, вместе с реформами, как следствие автономизации светской сферы.

Дворянство XVIII в. было глубоко увлечено, можно даже говорить «идейно задето» желанием и потребностью демонстрировать свое богатство. И хотя сохранялась прежняя мотивация, объясняющая, что богатство нужно для подчеркивания знатности, но в это уже трудно было поверить. Демонстрация богатства носила изощренный характер, и проходила она внутри своего сословного круга, была рассчитана на собрата по знатности. Демонстрировалось именно богатство, его возможности, его масштабы и сила.

В лице демонстративного богатства мы видим богатство, цену которого нельзя было свести к конкретной сумме. В условиях сословной России демонстративность имела два фокуса направления: внутренний — для представителей своего сословия, и внешний — для остального общества. Новое богатство, кроме чисто денежной эквивалентности, включало в себя некую колеблющуюся идеальную — бесконечную — величину, *притягательную* для тех, кто был объектом внешнего влияния и *связующую* одно богатство с другим и третьим и т.д. — для тех, кто входил в сферу дворянского сообщества. Таким образом, у виртуально «бесконечного богатства» было два полюса: полюс внимания к богатству и полюс слияния богатств в одно целое, иными словами — богатство как идеал, уводящий людей друг от друга, и богатство как социальный феномен, соединяющий людей — минус и плюс. По сути, это означало то, что богатство в его функции бесконечности, претендовало на универсальность механизма человеческого полагания смысла жизни. Во всяком случае, наличие такого механизма — очевидно.

Богатство должно было открыто и вызывающе заявлять о себе не только в служебной сфере и узко корпоративном и закрытом от других сословий пространстве, предназначенном для проведения развлечений (приемы, балы), но и в общем, для всех сословий месте проведения праздников во время праздничных гуляний. Последнее, может быть, выглядело еще более эффектным, чем первое и второе, но для него требовался особый кураж, такая специфика натуры владельца миллионов, которая рассчитывала бы на взаимную симпатию у всей гуляющей публики. А ведь для части городских жителей, не принад-

¹⁰⁸ Сборник биографий Кавалергардов. СПб., 1901—1904. В 2-х частях. 1904. Ч. 1. С. 123; Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов: очерк истории политической ссылки в Сибирь второй четверти XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 68.

лежащих к дворянству, тем более титулованному, именно внешнее пространство города являлось важнейшей средой демонстрации своего богатства и статуса. Петровский табель о рангах был построен таким образом, что вся социальная лестница работала «на подъем» (в чинах, должностях, богатстве). Дворянство было эталоном для других сословий по знатности, богатству, положению в обществе и государстве. Все остальные ставились в положение лиц, стремящихся достичь хотя бы части того, что имели дворяне. Да и в самом дворянстве этот механизм также работал: движение по лестнице чинов, от менее знатного и менее богатого к более знатному и богатому. Там, где нельзя было достичь искомого во всем его объеме, люди старались использовать хотя бы отдельные внешние указания на близость к дворянству.

Важнейшими статусными маркерами и соответственно знаками виртуального богатства являлись *во внешнем пространстве* города и села *одежда и способ передвижения*. В сословно внутреннем пространстве первенствовали *способность удивлять* гостей во время званных празднеств (балов и разного рода приемов). Способность удивлять менялась потом даже в дворянской среде, по мере того так туда проникали ценности интеллигентного общества (поначалу состоящего из выходцев из разночинных слоев), с их приоритетами знания, художественной культуры и глубокой образованности. Но сам по себе феномен «удивления», как духовный эквивалент богатства и достатка создавался в гостевой культуре у представителей всех сословных групп, желающих быть современными.

Анализируя мемуарные источники XVIII—XIX вв., в свете указанного феномена, невольно замечаешь, что нельзя за два века выделить века на какие-то этапы, перехода от одного уровня «демонстрации» богатства к другому. Каждый из мемуаристов говорит о своем времени как об эпохе перемен, и от того складывается впечатление, что именно в это время происходил искомый сдвиг в мировоззрении и отсюда началась новая эпоха. О переменах, касающихся быстро растущих забот о внешних украшениях, пишет в 1720-е годы И. Т. Посошков, предлагая гармонизировать этот процесс, чтобы все слои могли при-

общиться к богатству, так как богатство — это общее народное достояние¹⁰⁹. О кичливости нового богатства, разрушающего традиционный мир, писали в XVIII в. А. Н. Радищев¹¹⁰ и князь М. М. Щербатов¹¹¹. Начало XIX в. — не исключение. Картины Петербурга 1805–1807 годов у С. П. Жихарева полны описаний гуляющей публики, основное желание которой — показать себя: «почти в каждой физиономии едущего или идущей напоказ в публику, заметно одно чувство: желание блеснуть и возбудить зависть в других своим достатком или вкусом...»¹¹². Мемуарист дает эффектную картину демонстрации графом Орловым-Чесменским своего особого богатства и положения в обществе. Жихарев не порицает графа за роскошь, так как считает, что своим молодечеством и праздничным эскортом граф доставляет радость зрителям и тем самым делится с ними своими благами: *«на статном фаворитном коне своем, Свирепом, как его называли, ехал граф Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская зброя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль на прекраснейших серых лошадях, ехали дочь его и несколько дам, которых сопровождали А. А. Чесменский, А. В. Новосильцев, И. Ф. Новосильцев, князь Хилков, Д. М. Полторацкий и множество других неизвестных мне особ. За ним следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу, по заводной лошади в нарядных пополах и богатой сбруе. Наконец, потянулись и графские экипажи: кареты, коляски, одноколки, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей... Сказывают, — добавляет мемуарист, — что граф Орлов и не одним своим богатством и великолепием снискал любовь и уважение москвичей, что он доступен, радушен, и как настоящий русский барин, пользуясь любимыми своими увеселениями — скачками, бегами, цыганскими песнями, плясками и прочим, — обращает их также в потеху народа и как будто разделяет с ним преимущества, судьбою ему предоставленные»*¹¹³.

Нельзя не остановиться на позитивной оценке мемуариста С. П. Жихарева. Он словно говорит,

¹⁰⁹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. СПб., 2004. С. 8.

¹¹⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1983.

¹¹¹ Щербатов М. М., князь. О повреждении нравов в России. М., 1983.

¹¹² Жихарев С. П. Записки современника. М.: Л., 1955. С. 49.

¹¹³ Жихарев С. П. Записки современника. М.: Л., 1955. С. 58.

что есть разные виды демонстрации богатства. Есть «старинное», подчеркивающее статус человека в государстве, его русскую природу, и особую близость данного человека к престолу. Здесь очевидные указания на законность и золота, и лихости, и пышного убранства. Тем не менее, мы, помятуя последующую судьбу орловских богатств, понимаем, что законность происходящего не исключала и необходимость того, на что решилась потом дочь графа Орлова-Чесменского. В данном случае, граф попадает в ситуацию несколько парадоксальную. Как блюститель старинных традиций, как человек подлинно русской культуры, он ведет себя вполне естественно, но он не может во внешнем пространстве демонстрировать свои достоинства так, как это делали его предки в XVI и XVII вв., поэтому он использует те новые формы, которые ему предоставляет новая — светская — эпоха. Отсюда этот возникший диссонанс между необходимостью демонстрировать и удивлять и потребностью сохранять традицию. Старший из братьев Орловых по этому поводу сказал так: «Хотите, чтоб помещик не имел двора, сделайте, чтоб он не был ни псовым, ни конским охотником, уничтожьте в нем страсть к гостеприимству, обратите его в купца или мануфактуриста и заставьте его заниматься одним — ковать деньги»¹¹⁴.

Дворянство ощущало это давление времени, и вынуждено было на него реагировать. Оно вообще много сил отдавало на то, чтобы уйти от домоклова меча бедности в сословном ее понимании. Правительство на протяжении XVIII в. всячески отдаляло это привилегированное сословие от активной торговой деятельности, чтобы оно сохранило свое сословное лицо. Торговля дворянам позволялась лишь в рамках их собственности и при оптовой продаже российским купцам. На это были направлены правительственные указы 1726, 1755, 1785, 1790 гг. Но были и указы, которые поощряли неслужилое дворянство заниматься чисто купеческой — перекупной торговлей¹¹⁵. Вместе с дворянской вольностью высшее сословие получило право заводить в вотчинах фабрики, заводы, торги и ярмарки. Именно это обстоятельство вместе с возможностью не служить, а жить помещичьей жизнью и определило харак-

тер многих существенных перемен в дворянском сословии. Может быть, поэтому при Александре I начинает выстраиваться политика сознательного подталкивания дворян к занятию купеческой деятельностью, «для укрепления связи между обоими сословиями и для того, чтобы дворяне могли содействовать»¹¹⁶ торговому делу. Но лишь незначительная часть дворян-помещиков стала вести активную торгово-промышленную деятельность в своих вотчинах, большинство же помещиков средней руки избрали путь пассивного использования своих властных возможностей, сдавая свои земли в заклад, отдавая в опеку и живя на проценты. При этом вплоть до 1917 г. в стране продолжал сохраняться костяк дворянской аристократии, которая являлась владельцем крупных земельных наделов¹¹⁷. Большая часть их сдавалась в аренду и за счет этого обеспечивала хозяев земли необходимыми капиталами.

Но вернемся к характеристике эпохи глазами современников. Современница нескольких эпох Е.П. Янькова так отмечает разницу времен: «Тогда (в 1820-е годы. — О. К.) было совсем другое время, и жизнь проводили иначе, чем теперь: кто имел средства, не скупился и не сидел на своем сундуке, а жил открыто, тешил других и сам чрез то тешился; а теперь (1840—1850 гг. — О. К.) только и думают о себе, самим бы лишь было хорошо да достаточно. Впрочем, надобно и то сказать, что теперь у всех средства далеко не такие, как тогда, и все несравненно дороже стало, и люди требовательнее, потому что больше во всем роскоши»¹¹⁸. В этих замечаниях о времени *старом* и *нынешнем* стоит обратить на две вещи: старинные дворяне были не только «знатные-богатые», но и богатство их было несравнимо более значительным, чем у нынешних — середины XIX столетия «богатых-знатных» дворян. И второе — для последних характерно одно слово — следование «роскоши», хотя, казалось бы, разве большое богатство не сопровождалось не менее большой роскошью? По мысли «бабушки» роскошь — это знак себялюбивого, эгоистичного богатства, направленного только на себя, на демонстрацию своей исключительности, на демонстрацию богатства как такового, а не знатности. В другом

¹¹⁴ Жихарев С. П. Указ. соч. С. 296.

¹¹⁵ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М., 2009. С. 125.

¹¹⁶ Там же. С. 126.

¹¹⁷ Минарик Л. П. К характеристике класса крупнейших земельных собственников России в конце XIX — начале XX в. // Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в гор. Вильнюсе. Вильнюс, 1963. С. 275.

¹¹⁸ Записки бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 87.

месте указанных воспоминаний звучит мысль о потере сословного лица дворянами: «все пошло верх дном; домами-то Москва, пожалуй, и красна, а жизнью скудна. Что по-нашему за срам и стыд считали — теперь нипочем. Ну, слуханное ли дело, чтобы благородные люди, обыватели Москвы, нанимали квартиры в трактирах или жили в меблированных помещениях, Бог знает с кем стена об стену?»¹¹⁹. Из этой фразы понятно, что речь идет не столько о большей бедности новых дворян, сколько о нарушении традиций, о жизни по каким-то чужим, не дворянским законам. Бедные, но знатные были и в старое время, и их образ жизни по-своему вызывал осуждения у той же Е. П. Яньковой — «бабушки»: «Весь дом Долгоруких (конец XVIII в. — О. К.) поражал неприятно: во всем заметна была напыщенность, желание бросить пыль в глаза и показать свою вельможность, а средства-то были плоховаты, и потому в передней лакеи были в гербовых презалатанных ливреях; в гостиной золоченая мебель была местами без позолоты. Штофная обивка с заплатами, хрустальные люстры и жирондали без многих хрусталей, ковры протерты, потолки закоптелые, старинные портреты в полинялых рамах, и так во всем, сквозь гордость просвечивала скудость...»¹²⁰. Но здесь речь идет о внутреннем дворянском мире, поскольку эти люди уже не имели возможности внешним образом продемонстрировать свою знатность, поскольку она уже не подкреплялась богатством, к тому же у них не было и желания отдать предпочтение богатству перед знатностью. О тех же 1840-е годы другой мемуарист пишет: «Мы родились и жили в семье, не имевшей понятия о роскоши; теперь (конец XIX в. — О. К.) я вижу правоведов, щеголяющих в собственных мундирах чуть ли не с младшего класса; я тогда до первого класса не знал, что значит собственное платье; до 16 лет я ходил в наших уродливых казенных сапогах; до 17 лет я получал из дому на расходы не свыше 6 рублей в месяц, и вот, на этом-то положении и с этими привычками к скромной жизненной обстановке, мы с братом начали жить в Демидовском доме... Я ходил в Демидовский дом, получая в то время казавшееся мне огромным содержание из дому — 25 руб. в месяц, а 17-летний Демидов получал сто тысяч рублей в месяц на карманные расходы!»¹²¹ (Речь идет о семье из круга Ф. И. Тютчева, имение отца в 500 душ. — О. К.).

Приведенные примеры свидетельствуют об одном: демонстративный пафос дворянства иссяк уже в первую половину XIX в. И причины этого, как нам кажется, не только и столько в обеднении поместного дворянства, а совсем в другом. Во-первых, как было показано выше, поместное дворянство активно участвовало в созидании женских общин и монастырей. И сюда ушло то доброе начало, что позволяло богатству получить подлинное преобразование. Во-вторых, неожиданно альтернативой дворянскому богатству оказалась образованность того широкого слоя, который во второй половине века получил название интеллигенция. И хотя, в действительности образованность и богатство не конкуренты, но дворянство было очаровано профессиональной образованностью, ученостью и потому оно поверило в иллюзию равенства образованности и богатства. Уже при Екатерине II петровская лестница чинов была скоррелирована в соответствии с новыми критериями. Кроме знатности и богатства в нее включили образование и творческий талант. Соответственно необходимо было взамен простой табели о рангах, создавать новую сложную систему «движения наверх», где в качестве идеального критерия мог выступать не один, а два или несколько показателей. Для служилых сословий знатность была главным аргументом в движении по иерархии чинов; для городских — богатство и образование; для сельских обывателей не было никаких критериев, т.к. предполагалось поначалу (при Екатерине II), что лишь те крестьяне, которые перейдут в категорию горожан, смогут воспользоваться «движением наверх». Однако, именно крестьяне, со временем, в XIX столетии становятся той категорией, которая начала самостоятельно добиваться признания того, чтобы не только городская среда, но и сельская стала местом накопления и концентрации богатства. Единственное, что не могли сделать сельчане на месте, так это перенести в село очаги формирования образовательной культуры. Город продолжал оставаться единственным местом в государстве, где человек мог получить хорошее светское образование и использовать его для карьеры.

Среди горожан была выделена такая категория как «именитые граждане», которые получили привилегии, гораздо большие, чем первостатейные купцы. Сюда и включили интеллигенцию. Эта категория могла ездить по городу в карете

¹¹⁹ Там же. С. 115.

¹²⁰ Там же. С. 53.

¹²¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 49.

не только парой, но и четверней. В эту группу входили дважды выбранные в число заседателей магистрата, бургомистра, городские головы, ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, архитекторы, живописцы, скульпторы, композиторы, капиталисты с капиталом более 50 000 руб., банкиры с капиталом свыше 100 000 руб., купцы-оптовики, владельцы кораблей. Попасть в категорию именитых граждан могли и бывшие крестьяне, осевшие в городе или ради купеческой деятельности, или ради получения образования. В 1830–1840-е годы происходила переориентация дворянства с ценностной системы «богатства», на ценностную систему «образованности». Это и привело, на наш взгляд, к тому, что дворянство, как сословие перестает быть ведущей силой накопления богатств, которые можно было демонстрировать по-светски.

Борьбу за первенство в этой области развернули две сословные группы — крестьяне и купцы. Если учитывать, что большая часть купечества вышла из крестьянского сословия, то следует признать, что именно крестьянство, как самая многочисленная группа русского населения, стало тем локомотивом, который и начал определять со второй половины века экономическое движение страны. Здесь, как в дворянской среде, были значительны религиозно-консервативные силы, для которых вопрос о богатстве нельзя было решать вне религиозного контекста, поэтому необходимо говорить о двух (хотя и численно неодинаковых) группах крестьян: светской ориентации и духовно-религиозной.

Выше отмечалось, что доля дворянского участия в созидании четырехсот женских общин и монастырей, может равняться одной трети. Чуть более одной трети участия приходилось на крестьянство и остальная треть — на совокупность купеческого, мещанского, священнического участия. Священническое участие было незначительным, а купечество и мещанство (с деньгами) — это в большинстве своем были в недалеком прошлом те же крестьяне. Таким образом, не будет большой ошибкой, если мы сложим все вместе и будем оценивать как совокупное участие одной социальной силы. Итак, 367 обителей было основано этой дореволюционной частью русского православного мира. А учитывая известные нам средние денежные и земельные показатели, определим и конкретные суммы: 69 866 666 руб. и 110 100 дес. Такова доля нетленного капитала здесь.

Далее нам важно отметить как в целом русское купечество и крестьянство учились зарабатывать деньги «по-новому», по-рыночному, и как они решали вопросы демонстрации своего богатства. Сегодня в значительной степени проработан самый сложный вопрос о складывании в России аграрного, а затем и промышленного рынка. Материалы более 30-ти аграрных симпозиумов за 50-летний период его работы, дают возможность оценить самые разные стороны этого процесса. В фундаментальной монографии И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова начало складывания единого аграрного рынка определяется XVII в., а завершение его приходится на середину — вторую половину XIX столетия¹²². Есть и другие точки зрения, но в данном случае для нас не столь важны строгие рубежи этого процесса, а важна его глобальная природа. Никто из историков не сомневается в грандиозности экономических процессов, происходящих в послепетровской России, оценивая их как постепенную, но интенсивную экономическую централизацию общероссийского сельскохозяйственного и промышленного рынка. В этот глобальный рыночный процесс были включены самые разные социальные силы. Но, поскольку, крестьянство обладало наибольшим потенциалом, имело самый мощный человеческий и торговотворческий ресурс, именно оно стало определять, в конечном счете, всю специфику русского рыночного пути.

Выше уже отмечалось, что дворянство к 1840—1850-м годам исчерпало ресурсные возможности демонстрировать свои богатства. Пик это процесса, пришелся со всей очевидностью на золотой век Екатерины II, не случайно получившей титул Великой. Но, что, в конечном счете, заставило дворянство сойти с дистанции и уступить место более активным конкурентам? Мы говорили о двух причинах: серьезном участии дворянства в созидании женских общин и монастырей (и это было им зачтено) и второе — увлечение их образованностью вместо богатства, что в значительной степени снизило прежний пафос демонстрации ресурсов богатства. Однако, следует подчеркнуть, что это была не простая смена вектора с богатства на знание, а смена вектора ради более глубокого, современного и рельефного выделения своей знатности. Знатность была тем здоровым началом, которое позволяла многим дворянам не отрываться от традиции, этнических и духовных корней даже в пору максимальной демонстрации своего богатства. Хотя это было очень непросто.

¹²² Ковальченко И. Д., Милова Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX вв. М., 1974. С. 7, 139.

Тем не менее, знатность, на наш взгляд, позволила дворянству вовремя остановиться и уйти от разрушающей силы богатства нового типа, т. е. постоянно требующего его демонстрации. Кратко заметим, что источником знатности была не только древность рода, но и слово государя или государыни, которые вводили своей волей человека в это достоинство, словно передавая искру своей особой царской исключительности, которую имели. Сразу скажем, что у купечества и крестьянства не было подобного дворянской знатности особого стержня, в известной степени позволяющего соблюдать меру демонстрации богатства, поэтому перспективы у этих двух сословных групп в этой области были самые неопределенные. Впереди была «дурная бесконечность», с самыми невероятными фантазиями, выдумками и произволом, нередко самыми абсурдными образцами демонстрации денег. Но начиналось все с постепенного, но очень быстро ставшего массовым, всероссийским, движения к накоплению реальных денег (а не обменных — с товара на товар), необходимых не столько для поддержания и развития хозяйства, сколько для повышения статуса.

Совершенно очевидно, что крестьянство сразу же откликнулось на петровские инициативы повысить торговую активность русского купечества. И хотя, поначалу, вплоть до екатерининского времени, крестьянство в той или иной степени отеснялось от торговой деятельности, но оно — в торгово активной своей части — активно действовало на свой страх и риск¹²³. Именно крестьянство создало во второй половине XVIII в. тот феномен непрерывного существования общероссийских ярмарок, которые исследовавший это явление Б. Н. Миронов, называет «ярмарочными кругами», или «цепями»¹²⁴. По этой причине крестьянство при Екатерине II стало сознательно вовлекаться в торгово-промышленную деятельность¹²⁵. Л. В. Милов отмечает, что уже к концу столетия в Ярославской

губ. почти все крестьяне „генерально отходят по пашпортам“ в зимнее время для промыслов»¹²⁶. «К началу XIX в., — отмечает другой исследователь, — кустарные заведения в центральной России умножились и приняли форму домашней системы производства... превратившись в отделение фабричного корпуса»¹²⁷. Этот автор отмечает, что большую роль в этот период играют те помещики, которые начинают повсеместно устраивать у себя в имениях небольшие фабрики¹²⁸. По мнению В. Н. Яковцевского этот процесс начался с конца 1760-х годов¹²⁹. Появление ремесленно-торговых сел было связано, большей частью с именами известных аристократов, людей не только богатых, но и предприимчивых. Таковые села возникали, например, в вотчинном хозяйстве Шереметевых. Слобода Алексеевка в Воронежской губ. уже к 1811 г. имела до 40 капиталистских крестьян, с оборотами денег от 1 тыс. руб. до 10 тыс.¹³⁰ Отсюда ходили наибольшее число богомольцев в Киев, Воронеж и Задонск, судя по статистике начал XX в.¹³¹ Крепостные крестьяне не имея право совершать самостоятельно совершать купчие сделки в таких хозяйствах, под опекой высоких покровителей, вели здесь активную торговую деятельность, покупая в собственность даже землю¹³².

В 1820-е годы еще не наблюдается в крестьянской среде каких-то крупных изменений; еще сохраняются большие многопоколенные семьи, тверды устои брака, богатство еще не принесло своей новой философии в крестьянский мир. Крестьянин из Ростовского уезда, сравнивая два коротких промежутка времени, отмечает характер перемен: «Тогда (1820-е годы. — О.К.) не стеснялись, что не у всех были особенно нарядные костюмы: у кого какой был, в том и шла гулять девица. Богатые и бедные гуляли вместе без зависти и были вполне довольны каждая своим нарядом; тогда было не то, что ныне (конец 1830-х. — О.К.); за неимением хорошей одежды не сидит дома, как ныне; теперь какая одежда

¹²³ Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 141.

¹²⁴ Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Л., 1981. С. 215.

¹²⁵ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 548.

¹²⁶ Там же. С. 549.

¹²⁷ Гвоздев Р. Е. Кулачество-ростовщичество в его общественно-экономическом значении. СПб., 1898. С. 10.

¹²⁸ Там же. С. 11.

¹²⁹ Яковцевский В. Н. Указ. соч. С. 30.

¹³⁰ Кряженков А. Н. Алексеевка: историческая хроника. Алексеевка, 1992. С. 11.

¹³¹ Переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г. Сост. А. Н. Меерков. Сб. статей. Воронеж, 1914. С. 57–58.

¹³² Морозова Э. А. Частное землевладение помещичьих крестьян с. Рассказова в первой половине XIX века // Землевладение и землепользование в России: XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 57.

на богатой, такую стараются иметь средние и даже бедные, не думая, что это сопряжено с разорением отца и что исполняя прихоти дочери, он делается бессильным домохозяином-землеладельцем. Увы, всемогущая роскошь на это не смотрит. Подумаешь, так за мужиков страшно!»¹³³ Как отмечает тот же автор далее, с этими переменами стал меняться свадебный обряд (свадьбы стали «шумны, многолюдны и раззорительны»), игры молодежи, то есть иными словами стал трансформироваться весь традиционный уклад. С печалью об уходящей эпохе пишет священник в 1849 г. А. Руднев, служивший в селе Голунь Тульской губ.: «По мнению здешних крестьян счастливым можно быть, только соблюдая все завещанные предками обычаи. Жених просит у родителей благословение: „Благословите мне родной батюшка на суд Божий пойти и Божию милость получить“. И невеста просит у отца-матери тоже: „Не желаю я от тебя родной батюшка, ни золота, ни серебра, ни дорогих камней, а прошу у тебя родной батюшка на суд Божий пойти и Божию милость получить“»¹³⁴.

О 1840-х годах И. В. Киреевский пишет так: «недавнее распространение мануфактур и фабрик, частью естественное, более напряженно-искусственное, и в последнем случае не развивающее постепенно, но мгновенно изменяющие нравы народа; распространение новых потребностей роскоши в самом неимущем классе обеих столиц и многих городов, с коими сельские земледельцы находятся в постоянном соприкосновении»¹³⁵. На это же обращает внимание И. С. Аксаков в своем экономическом трактате «Исследование торговли на Украинских ярмарках». Он говорит о том, что многие центральные губернии страны включились в эту активную ярмарочную деятельность.

Отметим такой чрезвычайно важный факт, как общекрестьянская мода, имеющий прямое отношение к созданному к середине XIX в. единому ярмарочному полю в России. Появилась возможность носить более разнообразную и нарядную одежду, из-за выброса на рынок бумажных тканей. Сами крестьяне активно продают на рынках лен, сукна, войлоки и т. д. Каждая губерния

стремилась удивить своим товаром. Север и Юг России активно обменивались через рыночную продажу теми вещами, в которых испытывали недостаток. Те крестьяне, которые выбивались в купцы (а таковых путей было два: собственное дело и посредничество) уже не довольствовались только внутрисословными статусными отличиями — более дорогой одеждой и богатым домом, но стремились получить и близкие к дворянским знаки отличия. Это началось еще при Екатерине II. В «Жалованной грамоте городам» (1785 г.) впервые купечество получило часть привилегий, близких к дворянским. Купцы 1-й и 2-й гильдий были освобождены от телесных наказаний. Первогильдийные купцы могли ездить по городу «в карете парю», а второгильдийные — «в коляске парю». Купцы 3-й гильдии могли ездить по городу, впрягая «не более одной лошади»¹³⁶. Своя выслуга выражалась и в одежде. Однако, уже к 1840-м годам, когда дворянство уже перестало показывать пример демонстрации богатства, начинается эпоха самостоятельного выбора купечеством и крестьянством средств демонстрации богатства.

Следует подчеркнуть, что промысловая деятельность в целом негативно сказывалась на земледельческом хозяйствовании: «промыслы представляют отрицательный экономический признак для крестьянского хозяйства; чем сильнее они развиты, тем хуже идет земледельческое хозяйство»¹³⁷. Те процессы имущественного и социального расслоения крестьянства, которые современники наблюдают к середине XIX в., во многом были вызваны широчайшим развитием промыслов и крестьянским отходничеством, принявшим к этому времени массовый характер. Крестьянствование, как это не может казаться парадоксальным, требовало гораздо больших усилий, и в целом и умений и сноровки. Но при этом прибыльный эффект от этого традиционного занятия был гораздо меньшим в масштабах имеющейся земли и возможностей применения техники и агрономии. Вот почему тому же дворянству легко удалось в начале XIX в. внедрить у себя кустарное промышленное производство,

¹³³ Артынов А. Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М., 2006. С. 301.

¹³⁴ Руднев А. свящ. Село Голунь и Новомихайловское Тульской губ. Новосильского у. // Вестник императорского русского географического общества / под ред. В. А. Милютина. 1853. Ч. 7. СПб., 1853. С. 98–110.

¹³⁵ Киреевский И. В. Сельское хозяйство // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч. в 4-х т. Калуга, 2006. Т. 2. С. 136.

¹³⁶ Законодательство периода расцвета абсолютизма // Российское законодательство X—XX веков. М., 1987. В 9-ти томах. Т. 5. С. 67–129.

¹³⁷ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Воронеж, 1884. Т. 1. С. 281.

но когда возникла потребность в создании высокодоходных сельских хозяйств, эту задачу, как показал опыт известного аграрника и мемуариста А. Н. Энгельгардта, смогли решить немногие¹³⁸. Большею частью помещичье дворянство предпочло сдавать свои земельные ресурсы в аренду¹³⁹. Так было и с хозяйствованием крестьян. Для многих крестьян легче было использовать предоставленную им возможность заработать на промыслах, чем все свои силы и опыт по-прежнему отдавать сельскохозяйственному труду. Вывод из этого был один: крестьянствование, как традиционный уклад, уходило в прошлое. Та альтернатива, которая предлагалась крестьянам и заставляла крестьянский мир, в конечном счете быстро расслаиваться. При этом зажиточные крестьяне переставали заниматься крестьянством в традиционном смысле¹⁴⁰, а бедные, продолжая в земледелии видеть главную опору, и стали являть тот образ крестьянина. Хотя в традиционном смысле они уже были другими, потому что быстрый рост цен, другой экономический мир вокруг, быстро нарастающее разрушение традиции — все это ставило их лицом к лицу перед другой действительностью, какую, скажем, имел их бедный предок сто лет назад.

В работе Б. Н. Книповича 1912 г. была проведена оценка характера имущественной дифференциации крестьян в нескольких губерниях. Оказалось, что почти нигде (за исключением двух губерний — Екатеринославской и отчасти Полтавской) земледелие не кормит крестьянина. Бедный крестьянин вынужден постоянно искать деньги на стороне, на промыслах, а богатое кре-

стьянство в это время — наращивает капитал, скупая землю и отдавая ее в аренду середнякам и беднякам¹⁴¹. В зависимости от объема надела земли автор выделяет от трех групп до семи. В большинстве губерний земельная дифференциация носит смягченный характер, нет резких переходов от богатых к бедным. Это заметно только в Самарской губ. Но тенденция такова, что идет размытие средних групп в пользу бедных и богатых. Заметен рост промысловой деятельности и уменьшения роли земледелия, но при этом есть тенденция к улучшению производительности хозяйств. Исследователь вообще не говорит о такой категории как кулачество, нет проблемы ростовщичества, звучит лишь понятие «сельская буржуазия», которая занята наймом батраков и покупкой земли.

В целом картина с отходничеством к концу XIX в. выглядела следующим образом. «Население бежит из центральных земледельческих губерний в промышленные центры и в южные и юго-восточные губернии... Особенно высок процент отлива в десяти Центральные земельные губернии (Рязанской, Тульской, Калужской, Курской, Орловской, Смоленской, Полтавской, Воронежской, Тамбовской, Черниговской) и особенно выделяется Калужская губерния 25 % отливом»¹⁴². Именно в Калужской губ. Книпович отмечает высокий уровень концентрации земель в руках богатой части села, массовый отток молодежи на заработки и вследствие «безысходной бедности» «распространившуюся апатию к своему занятию» у крестьян¹⁴³. Большинство исследователей аграрной истории страны еди-

¹³⁸ Мохначева М. П. И. В. Вернадский и его журнал «Экономический указатель» о развитии фермерских хозяйств в России // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе / Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 172–182; Козлов С. А. Рационализаторская деятельность А. Н. Энгельгардта в области землепользования: социально-хозяйственные аспекты // Землевание и землепользование в России / Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 184–193.

¹³⁹ Александров Н. М. Размеры и виды сдачи земли в аренду помещиками Верхнего Поволжья в конце XIX в. // Там же. С. 232–240; Полх П. П. Арендные отношения в помещичьих хозяйствах Новгородской губернии в конце XIX — начале XX в. // Там же. С. 250–261; Шаповалов В. А. Арендные отношения в дворянских хозяйствах Курской губернии в начале пореформенного периода // Землевание и землепользование в России / Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 66–67.

¹⁴⁰ «Анализ состоятельных крестьянских хозяйств показывает, что они основной доход получали от коммерческой деятельности. Интересам рынка были подчинены полеводство, животноводство и промыслы. Число кулацких хозяйств в регионе (речь идет о Черноземной полосе России. — О.К.) было невелико, скорее это были островки в море бедняцких дворов, но роль их в сельскохозяйственном производстве росла с каждым десятилетием». — Скрыбин В. И. Предпринимательские крестьянские хозяйства черноморского центра на рубеже XIX—XX веков // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27–30 сентября 1994 г. М., 1994. С. 117.

¹⁴¹ Книпович Б. Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства (дифференциация в сфере земледельческого хозяйства). СПб., 1912. С. 93.

¹⁴² Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. (критико-статистический этюд). СПб., 1909. С. 74.

¹⁴³ Книпович Б. Н. Указ. соч. С. 68.

нодушны в том, что дифференциация охватила всю пореформенную крестьянскую Россию, и как характеризует пермский автор это явление: «Власть денег стала всеобщей. Она не только придала крестьянство, но и расколола его. Деньги добывались различными способами: бедные крестьяне — путем продажи своей рабочей силы в отхожих и местных промыслах, зажиточными и богатыми — продажей сельскохозяйственных продуктов, кустарных изделий, прибыли от торговли и т. п. В 1878 году зажиточные крестьяне в Пермской губернии (их было 10115 населения) имели на душу чистого дохода 212 рублей в год; средние: 25 % — 89 руб. и 15 % — 69 руб.; бедные (50 % населения) — 33 руб. и ниже на семью»¹⁴⁴.

Остро почувствовали на себе эти перемены священники, которые зависели от своих прихожан, особенно на селе. В архиерейских отчетах, подаваемых ежегодно в Синод, нередко звучит, начиная с 1890-х годов, тревога о нарастающей бедности среди духовенства, которые в силу доровизны свадеб уже не могут отдавать своих дочерей замуж, а сыновей — на учебу в гимназию. Со слов воронежского епископа Вениамина (из доклада в Синод в 1887 г.): «Выдача в замужество дочерей для духовенства сопряжена теперь с такими непосильными расходами, что удачное и соответственное положение духовенства замужество теперь редкое явление. Некоторые из дочерей остаются при отцах навсегда незамужними. 11 дочерей подведомственного мне духовенства находятся замужем за крестьянами и мещанами. Большинство девиц получают домашнее образование. Забота о детях поглощает все внимание духовенства. У молодых священников — внутренняя энергия, вера в свои силы, жажда разумной деятельности и полная надежда на успех. Проходит 5-6 лет, появились дети, священник неузнаваем. Забота о судьбе детей овладела им. Особенно поражает, как мало детей духовенства получает образование. Из 115 детей мужского пола только 20 состоят в духовных заведениях. Из 125 женского пола только 5 были или состояли в женских епархиальных училищах. Главная причина — дороговизна содержания детей

в Воронеже. Содержание каждого мальчика обходится в Воронеже от 150 до 200 руб. Это непосильно для духовенства, значит его материальное положение невысоко»¹⁴⁵. В 1890 г. воронежский архиерей так пишет в Синод: «Прихожане беднеют. Священники не могут платить за обучение детей. Взимание треб вызывает у прихожан неприятие, они видят в этом вымогательство, мздоимство, к чему располагает их дух времени»¹⁴⁶. Через шесть лет, в 1896 г., он же отмечает: «В материальном отношении среди духовенства, по общему отзыву благочинных, замечаются большие недостатки и скудости. Средств обеспечения меньше, чем довольства и изобилия... Народ верующий, набожный, среди которого христианское благочестие сохраняется твердо. Увлекается народ и легкой наживой, прибегая к обману и воровству. Наблюдается страсть женского пола к щегольству, в пригородных селениях. В последнее время между молодыми людьми заметна особенная забота о нарядах, для чего многие юноши, так же и девицы отлучаются от своих домов на целое лето в отдаленные южные губернии для заработков, и приобретенные там деньги тратят по возвращении домой на покупку дорогой одежды...»¹⁴⁷. В 1914 г. (уже в период войны) картина в Воронежской епархии еще более неутешительная, хотя и неоднозначно негативная: «Страшное вредное влияние промыслов и отходничества. Запрет на водку привел к уменьшению пьянства, но пришла эпидемия карточной игры. Играют на деньги. Часто грабят церкви. Нужно сказать, что к семьям призванных на войну, у населения сочувствия мало. Солдатки получают столько, что мужья их зарабатывали меньше, особенно много получают многодетные солдатки. Прихожане заметили, что получаемые деньги солдатки тратят на наряды и часто в семьи не дают ничего. Запасные, призванные из нашей местности, присылают с войны женам деньги, швейные машины. Часы, серебро, золото и разные материи. Так делают почти все. Все это не содействует чувству симпатии семьям запасных»¹⁴⁸. В то же время архипастырь подчеркивает далее, что большинство прихожан «тверды в вере», что народ стал «боль-

¹⁴⁴ Черныш М.И. Влияние капиталистического города на деревню в пореформенный период // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной истории / Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 30 сентября — 3 октября 1982 г. М., 1982. С. 102.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 442. Д. 1176. Л. 44–44 об.

¹⁴⁶ Там же. Д. 1328. Л. 43.

¹⁴⁷ Там же. Д. 1896. Л. 34, 41 об., 42 об.

¹⁴⁸ Там же. Д. 2631. Л. 15 об.

ше посещать храмы, уменьшилось хулиганство, улучшилась семейная жизнь».

Тамбовский архиерей в 1905 г. в синодальном отчете отмечает: «Народ в своем большинстве по-прежнему тверд в вере. Среди же сельского населения если и замечалось явления отрицательного свойства (нравственное неповиновение детей родителям, младших старшим, разгул, пьянство, воровство, нарушение уз брачных и девственных), то исключительно в селах, откуда крестьяне уходят на сторонние заработки. Последние — корень многих недугов крестьян. На сторонние заработки отправлялись преимущественно молодые люди, еще не окрепшие в религиозно-нравственном отношении. Они сходятся с людьми разных вер и наций, с людьми большей частью порвавшими с церковью, усваивают от них безразличное отношение к вопросам веры и нравственности, а также — неудовольствие существующим строем и все это приносят в родные села. В этом причина крестьянских волнений в 1905 г. Заметны много пожертвований от крестьян на церковные нужды»¹⁴⁹.

В характеристике вятской епархии в 1910 г. остро звучит тема царящего вокруг неблагополучия: «Обеднение паствы, понижение нравственного уровня подрастающего поколения, увеличение внебрачных детей, газеты переполнены случаями о подкидышах и детоубийствах. Нравственная разнузданность молодого поколения, его опасный и грубый индифферентизм. В духовенстве есть пристрастие к вину и табаку, косность к своему усовершенствованию. Нравы хуже вокруг заводов. Непомерно усилилась тайная торговля вином, шинкарство, отсюда — разврат, возросло число пивных лавок, притоны, развитие порнографической и базарной литературы, вытесняющей из книжного рынка литературу душевспасительную и научно-популярную»¹⁵⁰. Архиерей Волынской епархии в том же 1910 г. подчеркивает: «Участились случаи краж из церкви. Причты находятся в вечной тревоге, переживая самые мучительные состояния из-за скудости материальных средств: расходы по содержанию семей и хозяйства увеличиваются и далеко не соответствуют доходам. Главная статья расходов духовенства — воспитание детей, где нужны наличные деньги.

Вести хозяйство трудно по причине дороговизны рабочих рук, а главное — недобросовестности рабочих. Духовенство сильно страдает от такого небрежения рабочих. Большинство причтов из-за этого не ведет самостоятельного хозяйства, а сдает поля под обсеменение прихожанам, выговаривая себе половину или меньше. А плата за требы снижается из-за духавремени. Развратители внушают крестьянам, что причты должны делать все даром, им казна дает жалованье и земля есть. Но крестьяне и сами беднеют. Священники перестают ходить в дни поста по домам с молитвой, т.к. кругом — бедность и брать неудобно... Пьет интеллигенция а не народ. Благочестие среди крестьян держат люди старого закала, молодежь смущает пастырей своим поведением... Упадок нравственности и охлаждение к церкви заметны особенно в селениях, близких к городам, ж/д и фабрикам»¹⁵¹.

Перед нами картины, иллюстрирующие результаты совершающихся в русской сельской действительности кардинальных перемен. Налицо — падение нравов, тяготение к роскоши, разрушение традиций. Однако было бы упрощенным понимать процесс имущественного расслоения, как естественное следствие периода «первоначального накопления капитала». Перед нами не просто борьба за капитал, а стоящая за этим неудержимая страсть демонстрировать свое богатство, как некий самодостаточный духовно-религиозный идеал. Поэтому дело было не просто в богатстве, а возможности его демонстрировать, чтобы получить новую стоимость, для которой не было бы эквивалентного измерения. Демонстративное богатство становилось бесценным капиталом, и копится оно ради этой бесценности. Ради нее человек готов был отказаться от отца и матери, от традиции, веры. Потому и происходили в этот короткий период тектонические сдвиги в народной жизни и традиции.

Между тем эти процессы можно было остановить, а демонстративному богатству светский мир готов был предоставить альтернативу. Обратимся к интеллигенции — этому таинственной социальной группе, так и не пожелавшей стать сословием, живущей по закону строжайшего морального кодекса, но при этом отказавшейся укорениться в церковности, в вере и в монархизме.

¹⁴⁹ Там же. Л. 130–131.

¹⁵⁰ Там же. Д. 2382. Л. 30 об.

¹⁵¹ Там же. Д. 2380. Л. 18 об., 27 об.

Интеллигенция жила ценностями знания и образованности, и во многом повлияла на дворянство в переломный для него период отказа от пути служения демонстративному богатству. Одно это заставляет нас говорить о выдающемся значении интеллигенции в жизни страны. Интеллигенция долгое время продолжала оставаться эталоном бессеребренности. Но ее безрелигиозность и материалистичность сыграли с ней злую шутку. После революции 1905 г. что-то в ней ломается, и она отказывается служить только *знаниям*, но склоняет голову и перед *богатством*. Как заметил Б. Н. Миронов, проанализировав главный, по его мнению, журнал русской интеллигенции «Нива» за период с 1870 по 1918 г.: перемены во взглядах на богатство у интеллигенции произошли к 1910-м годам. Тогда из публикаций журнала исчезает осуждение стремлений к богатству у известных представителей предпринимательской среды, но не появляется и хвалебных оценок в отношении богатства. В 1909 г. публикуется первый панегирик богатству¹⁵².

Учитывая колоссальное влияние интеллигенции на русское общество в целом и возможности влияния на власть, можно констатировать, что вместе с интеллигенцией (а сюда, в значительной степени вошло уже и дворянство) пала наиболее авторитетная сила противостоящая натиску демонстративного богатства, общество сомкнулось в своем коллективно позитивном отношении к демонстративному богатству. Дорога к хаосу была открыта, и хаос наступил очень скоро, не прошло и восьми лет после 1909 г.

В своем фундаментальном труде, посвященном благосостоянию населения России, Б. Н. Миронов ставит по-новому вопрос о причинах революции 1917 г. Он говорит, что именно невиданный рост благосостояния, невиданные темпы модернизации и невозможность старой России (в лице *общества*) справиться с этими новшествами, вписаться в их «полет» и стали главными причинами революционных потрясений¹⁵³. И логика книги, с ее обширной базой данных, как будто подтверждает эти авторские выводы. Хотя по большому счету никаких следов будущей революции автор так не обнаружил в процессе исследования, пока не дошел до 1917 г. и тут только он вынужден был сказать, что: «произошла рево-

люция, и общество не справилось с проблемами быстрого роста богатства». Получается так, что до какого-то времени удавалось справляться, и все шло хорошо, мы шли к прогрессу семимильными шагами, а потом вдруг — не справились. Революция, как неожиданное препятствие, стала на пути прогресса. Точнее препятствием стали те, кто не открыл вовремя шлюзы для сброса обильно хлынувшей воды. Автор хочет сказать, что дело только в этом. Заблуждение автора, на наш взгляд, состоит в том, что богатство в той его форме, которое существовало тогда в России, признается им как безусловная ценность, прогрессивная сила, которая никакого отношения не имела ни к нравственности, ни религиозному строю русского общества.

Между тем, нельзя было не заметить, что кроме демонстративного богатства, которое действительно скрывало свое лицо за культурой, благотворительностью, образованием и т.д., нельзя было не заметить и крайне неприятное лицо у реального богатства («богатства на выходе», там, где оно добывалось), которое появляется у него особенно в пореформенный период и которое кроме экономического значения имело и нравственное. А здесь необходимо говорить о двух вещах: 1) погоня за богатством была такова, что стали нарушаться самые глубинные нормы, как религиозные, так и нравственные; 2) быстрый рост богатства у одних приводил к резкому обеднению значительной части крестьянства, духовенства и горожан (в том числе через механизм удорожания жизни). В первом случае, в публицистике и экономической научной литературе, начиная с 1890-х годов, остро начинает звучать тема русского ростовщичества. Именно в этой области, быстро растущие после 1861 г. возможности демонстрации богатства, стали проявляться в виде самых бесчеловечных форм накопления богатства. Как будто из небытия появился такой персонаж как кулак-ростовщик. Экономисты отмечают: «Мы накануне беспорядков, но уже не на юге, и не жидовских, а против своих, которые „хуже жидов“. Эти ростовщики из русских крещенных, плод буржуазных преобразований в России последних пятнадцати лет»¹⁵⁴. Русский ростовщик описывается в этих работах не только как алчный накопитель денег, но как

¹⁵² Миронов Б. Н. Социальная история России. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. В 2-х томах. Т. 2. С. 319–320.

¹⁵³ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революция в имперской России. XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 659–661.

¹⁵⁴ Сазонов Г. П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб., 1894. С. 83.

«Демонстрация богатства купечеством в иллюстрациях Б. М. Кустодиева»

Ярмарка. 1906 г.

Троицын день (фрагмент). 1920 г.

Купчиха за чаем (фгармент). 1918 г.

Купец в шубе. 1920 г.

Сундучник. 1920 г.

машина, разрушающую здоровую экономику, семью, народную нравственность, религиозное чувство, основы общественной собственности, уважение и авторитет власти. «Неужели ждать громов небесных и труб архангелов?, — восклицает один из авторов, — Какие зверские люди создаются при таких условиях! На Россию надвигается экономическо-кулацкий строй!»¹⁵⁵. Исследователи подчеркивают, что ростовщик захватил важнейшие узлы народной экономики. Так аренду он превратил в кредитную операцию и кабальными кредитами опутал сельского обывателя¹⁵⁶. Современные исследователи не только подтверждают данные описания русской деревни на рубеже веков, но позволяют в целом представить более определенную картину ростовщического произвола. Особенно значительным было участие этой категории предпринимателей в хлебной торговле, которая давала стране третью часть доходов национального бюджета в доле национального экспорта¹⁵⁷. Как отмечает Т. М. Китанина переход к господству мелкого торгового капитала, где и концентрировался скупщик зерна, произошло в последней трети XIX в. и объяснялось это быстрым развитием железнодорожного строительства¹⁵⁸. При этом скупщик разрушал здоровую среду предпринимательства, и способствовал разорению даже многих купцов-миллионщиков: «Переход части зажиточного крестьянства к предпринимательской деятельности в результате личного освобождения, новые явления в модернизирующейся экономике (строительство железных дорог, техническое оборудование портов, развитие кредита и т. д.) привели к децентрализации торговли и появлению качественно нового института скупщика. Не только в центральных районах, но и на периферии крупный капитал уплывал из торговли, один за другим сходили со сцены торговые купеческие дома с

миллионными оборотами»¹⁵⁹. В этой связи многими учеными, занимающимися аграрной историей сегодня пересмотрено существо столыпинской аграрной реформы. Считается, что в результате реформ из общины выводились на простор отдельного, единичного хозяйствования самые хозяйственно и предпринимательно активные слои крестьянства. П. А. Столыпин начал с объяснения царю в особом докладе разрушительной роли предпринимателей внутри замкнутой общины: «В настоящее время (1904 г. — О. К.) более сильный крестьянин превращается в кулака, эксплуататора своих общинников — по образному выражению — „миroeда“. Вот единственный почти выход крестьянина из бедноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера»¹⁶⁰. Таким образом, важнейшей целью реформатора было нравственное оздоровление крестьянской предпринимательской деятельности. «Проведение столыпинской аграрной политики призвано было открыть перед крестьянством принципиально новый путь к зажиточному состоянию»¹⁶¹. К 1916 г. из общины вышло 2 478 224 домохозяина, или 22% всех крестьянских хозяйств России¹⁶². В результате этого расселения по разным «домам» «накануне 1917 г. сельская община в Европейской части России оказалась в большей степени бедняцкой, нежели это было до первой русской революции, хотя и не все зажиточные элементы деревни вышли на хутора и отруба»¹⁶³.

Сегодня нет возможности судить о том, как бы изменилась деревня в дальнейшем, поскольку революция 1917 г. не дала столыпинским реформам возможности реализоваться в полной мере. Во всяком случае важно отметить, что и правительство, и русская деревня участвовали в поисках выхода из того духовного кризиса, в которые последняя попала.

¹⁵⁵ Там же. С. 202.

¹⁵⁶ Гвоздев Р. Э. Кулачество-ростовщичество в его общественно-экономическом значении. СПб., 1898. С. 42.

¹⁵⁷ Китанина Т. М. Российская деревня в конце XIX — начале XX в.: инфраструктурное строительство и земские традиции // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок / Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 230.

¹⁵⁸ Китанина Т. М. Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX веков. СПб, 2011. С. 79–80.

¹⁵⁹ Там же. С. 81.

¹⁶⁰ Цит. по: Тюкавкин В. Г. Зажиточное русское крестьянство Европейской России в период столыпинской аграрной реформы: новые условия развития и типичные черты // Зажиточное крестьянство России в исторической перспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 184.

¹⁶¹ Карпачев М. Д. Воронежское крестьянство о зажиточности в годы столыпинской реформы // Зажиточное крестьянство. С. 197.

¹⁶² Герасименко Г. А. Проявление последствий аграрной реформе в деревне в марте — октябре 1917 года // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Издательство Ростовского университета, 1980. С. 250.

¹⁶³ Там же. С. 251.

К самым страшным формам криминального обогащения, которые стали практиковаться в начале XX в., можно отнести хотя и единичные, но все более учащающиеся по России случаи ограбления церквей, с целью получения драгоценных окладов, церковной утвари из золота и серебра¹⁶⁴. И хотя криминальный промысел — это всегда исключение из правил, но показательно то, что предметом внимания преступников становились церковные святыни. Случай с пропажей и уничтожением чудотворной Казанской иконой Божьей Матери, вообще следует, на наш взгляд рассматривать не как «статистический факт», а как свидетельство глубины общественных процессов, связанных с неким общероссийским стремлением к обогащению. В ночь на 29 июня 1904 года (по старому стилю) в Покровском женском монастыре г. Казани было совершено дерзкое и неслыханное святотатство: пропали явленная в 1579 г. Казанская чудотворная икона Божией Матери и чудотворная икона Спасителя, обе в драгоценных ризах, украшенных жемчугом, бриллиантами и камнями. «Стоимость риз оценивалась не менее, чем в 100 тысяч руб.»¹⁶⁵. В ограблении участвовали: некто Чайкин — Варфоломей Андреевич Стоян, из крестьян, 28 лет, предприниматель; Максимов Николай Семенович 37 лет, запасной младший унтер-офицер, из казанских цеховых; Ананий Тарасович Комов, 30 лет, крестьянин с. Долженково Долнежковской вол. Обоянского у. Курской губ. — карманный вор; Федор Захаров, монастырский сторож, Прасковья Кучерова, сожительница Чайкина. Главные участники преступления (они же уничтожили чудотворные иконы) на суде были охарактеризованы так: «Чайкин — это свободномыслящий аристократ, босяцкого типа, он порвал всякую связь с деревенским укладом жизни, живет по городам на барскую ногу, шьет себе модные костюмы, одевает у лучших портных свою сожительницу, украшает ее драгоценными камнями и червонным золотом». «Комов же — это серый мужик, жена у него — простая деревенская баба, живут они без барских замашек в своей полуразвалившейся хате. Правда крестьянским трудом Комов занимается мало, вместо посева хлеба у себя на пашне он едет в Казань жать то, что не сеял»¹⁶⁶. Приговор был таков: присяжные — почти всех

признали невиновными, только Чайкина — отчасти виновным. Однако суд посчитал всех обвиняемых виновными: Чайкину суд присудил 12 лет каторги, Комову — 10 лет, Максиму — 2 года и 8 месяцев в арестантских ротах, Кучерова и Шилинг — к 5-ти месяцам тюрьмы «за укрывательство драгоценностей». Сторожа оправдали. Чайкин его нанял за 100 руб.¹⁶⁷.

Казанская чудотворная икона являлась величайшей святыней для русского народа, и Божьему промыслу легко было защитить ее от попадания в руки преступников и от уничтожения. Ведь через этот образ пришло спасение страны в самые тяжелые годы Смуты начала XVII в. Но этого не произошло, и кража, и уничтожение были попущены. Подобный прецедент и заставляет нас не сводить все к вине преступников — непосредственных виновников происшедшего. За этим преступлением уже стояла та сложная ситуация в сфере накопления капиталов и их использования для саморекламы, которая уже имела место в России, которая толкала и этих преступников «надышаться этим воздухом». Ведь им были важны не просто значительные сокровища, полученные в одночасье, а то, что золото было от царя Иоанна Грозного, а бриллиантовый венец — от императрицы Екатерины Великой. Чтобы продемонстрировать перед обществом это богатство на себе они были готовы пойти на святотатство.

Но было бы ошибочным говорить, что этот воздух алчности полностью господствовал над русским купечеством и крестьянством (как на выходе богатства, так и на входе). Если говорить об общем нашем видении процесса влияния богатства на русскую светскую жизнь, то нельзя обойтись, хотя бы вкратце, без такой темы как культурный ренессанс, затронувший все слои общества и коснувшийся всех сторон общенародного бытия. В последней четверти XVIII в., в пору золотого века Екатерины II дворянство явило высшую степень своего тяготения к богатству и к его демонстрации. И следом же появляется великая русская художественная профессиональная — дворянская — культура: литература, живопись, архитектура, наука, философия. Свой позитив и негатив был также и в крестьянском, и купеческом светском «ренессансе», который пришелся на вторую половину XIX — начало XX в.

¹⁶⁴ Такой материал имеется в епархиальных ведомостях разных епархий, начиная с начала XX в.

¹⁶⁵ Елдашев А. М. Православная культура в Казанском крае. Казань, 2013. С. 52.

¹⁶⁶ Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской божией Матери. Полный стенографический отчет с приложением всех судебных речей // Православный собеседник. 1905. Май. С. 161–196.

¹⁶⁷ Там же. С. 233.

В XIX в. крестьянин как никогда ранее включился в движение и церковной, и светской жизни. Этот поток движения, где свое место было и богатству, подхватил все, что до этого носило узко региональный характер и пряталось где-то в медвежьих углах обширной страны, и заставил зажить по новому, в понимании собственного места в стране и культуре. Крестьянский мир словно объединился и предстал как одно целое, величественное и самобытное. На цельность и духовно-эстетическую характер красоты единого крестьянского мира в этот период обратила внимание в своих трудах М. М. Громыко¹⁶⁸. Здесь мы находим ту необходимую связку социального фактора и нравственного, фольклорного и этнического, религиозного и культурного. Крестьянское сообщество, по неким условным показателям Б. Н. Миронов, не считает в полном смысле этого слова сословием¹⁶⁹. Но для М. М. Громыко крестьянский мир — это самобытный социальный организм, со своим гражданским самосознанием, где есть и общерусское, и узко сословное — крестьянское. Этот мир был структурирован своим самобытным хозяйственным, социальным и культурным укладом, в основе которого были традиционные вера и нравственность. Крестьяне сами называли свой оком «миром» и мирская жизнь была синонимом светской жизни. В XIX в. крестьянская светская культура буквально расцвела самыми разнообразными цветами и красками¹⁷⁰. В течение века непрерывно рос демонстративный характер народной культуры. Демонстрировать можно было или богатство, в его вещественном, эквивалентном измерении, или определенный эстетический образец, эквивалент таланта, профессионального умения. Первое мы рассматриваем как разрушительную форму демонстрации, вторая, если она была свободна от примеси демонстрации богатства, имела позитивное культурное значение и была соотносима с таким понятием как «модерн». Разрушительность демонстративного богатства состояла в появлении механизма конвертации материального в духовное. Несомненно, это был квазимеханизм конвертации богатства материального в духовное, потому что никакой конвертации в реальности не происходило. В ситуации демонстрации «эстетического образца», не было претензий на конвертацию, поскольку

здесь речь не шла о религиозной природе преобразования материального в идеальное. Талант, преобразованный в шедевр, или в менее звучный эстетический образец, подразумевал зеркально противоположную операцию — преобразование идеального (таланта) в материальное. Демиургом выступал сам творец эстетического образца. Но он (если сюда не подключался фактор демонстрации богатства) не имел религиозной мотивации. Значит, все зависело от религиозности тех, кто становился творцом новой культуры эпохи модерна. Только религиозность позволяла держаться на плаву и создавать подлинные художественные шедевры. Там же, где дело ограничивалось нормами строгой морали, как это было у большей части русской интеллигенции, то вместо «солнца» безукоризненного эстетического образца обязательно появлялась «луна», с ее видимой и невидимой стороной. То, что А. Ф. Лосев называл «обратной стороной титанизма». Слабой стороной русской интеллигенции была безрелигиозность, сильной же — способность дистанцироваться и не поддаваться искусу демонстрации богатства. Если бы интеллигенция выдержала этот высокий тонус своего бытия, своей самобытности, то, безусловно, революции 1917 г. в России бы не случилось. При всем том, что в интеллигентских художественных образцах было много сектантства, они были перегружены морализаторством, чрезмерными умствованиями и экспериментаторством, все эти болезни были излечимы. Особенно это заметно у деятелей культуры Серебряного века, где опора на народное начало уже не приносила желанной пушкинской гармонии.

Интеллигенция, в конце концов, склонила голову перед демонстративным богатством и тем самым отказалась и от собственной идентичности, и от пути безрелигиозного (а точнее квазирелигиозного) преобразования идеального в материальное. Привнеся в этот процесс преобразования таланта еще и богатство, интеллигенция волей-неволей должна была быстро удалиться от нравственной природы эстетического образца, в пользу условности формы.

В народной культуре в течение XIX—XX в. шел постепенный, но все более набирающий обороты массовый процесс демонстрации богатства, шаг за шагом поедающий и православ-

¹⁶⁸ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.; *Она же*. Мир русской деревни, М., 1991; *Она же*. О воззрениях русского народа. М., 2000.

¹⁶⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 142.

¹⁷⁰ Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII—XXI вв. Традиции и современность. М., 2013. Под ред. академика М. А. Некрасовой.

ную религиозность народа, и добрую христианскую нравственность, и обычно-правовые нормы (которые нередко стали покупать кулаками у сходки «за ведро вина»). Народной культуре, в силу ее коллективной природы, было легче сохранять религиозность, но тяжелее — дистанцированность от демонстрации богатства. Все эти новые наряды, о которых пишут современники, были так необходимы на праздниках. Вечерки, посиделки молодежи быстро меняли свой характер. Показать себя в одежде, песне, танце становится важным не только коллективно, но и индивидуально. Необыкновенного расцвета достигают все области фольклора и прежде всего те, где можно было показать индивидуальное искусство. Деревня словно сама себе стала демонстрировать: на что она способна в игре, в пении, в танце, в декоративном творчестве. Нам трудно сейчас судить насколько изменилась светская жизнь крестьян по сравнению с XVII и XVIII в., поскольку таких сравнительных трудов культурологического характера пока еще нет. Но

по отдельным элементам, можно предположить, что эти изменения были значительны. Изменился сам ритм крестьянской культуры. Не случайно в XIX в. сами современниками наблюдаются скорый процесс «отцветания» целых областей народной художественной традиции (например, былины) и появления новых. Этот начали фиксировать уже в 1820-е годы ученые дворяне в своих первых фольклорно-этнографических экспедициях. Цветение крестьянской культуры были столь величественным, что сумело обеспечить эстетическим материалом профессиональных творцов из числа дворян, которые в большинстве своем и воплотили в тексты и полотна это необыкновенное кипение творческих народных сил.

Б. М. Кустодиев. Портрет Ф. И. Шаляпина. 1922 г.

Но и разрушение народной жизни было не единичным явлением, а скорее общероссийским, хотя и разным по степени оторванности каждой местности от старинной традиции. Как следует из материалов, собранных корреспондентами Тенишевского бюро в 1890-х годах, многое зависело от близости к городу, от активности отходничества в данной местности и от других причин.

Корреспондент, работавший в Калужском у. в непосредственной близости от губернского города Калуги, передает по пункту анкеты «отклонения от законного брака», следующую информацию: «Редкая девушка выходит замуж, сохранив целомудрие; с другой стороны, немалым, способствующим к измене обстоя-

тельством, являются долговременные отлучки мужей. Женившийся парень редко проживает с молодой женой три-четыре недели, после чего опять возвращается на свое место в город, откуда пришел для женитьбы по настоянию родителей, и живет там год. Два, три года, не показываясь домой. Редкая натура не соблазнится таким долговременным отсутствием мужа и останется ему верна, к тому же окружающая обстановка благоприятствует измене¹⁷¹. Тем не менее и здесь еще власть мужа очень высока, по сообщению корреспондента: «Он вправе требовать от жены себе полного повиновения и также работы»¹⁷². Даже городские мужья-изменщики, приезжая в село к изменяющим им женам, стремятся соблюсти обычный порядок: пошуметь на жену, «поустраивать семейные сцены». Близкая к этой картина представлена корреспондентом из Малоярославецкого у. Здесь также многие парни и мужики работают отходниками, немало зажиточных крестьян. Корреспондент подчеркивает: «Парень, сохранивший целомудрие до брака — здесь большая редкость; обыкновенно они теряют его лет с 16 и ранее»¹⁷³. Родители вынуждены считаться с новым состоянием дел: «Молодежь стала „вольница и ничего-то с ней ни поделаешь“. На самом же деле и старшие предавались тем же развлечениям, только не в столь разнузданной форме и не с такого раннего возраста»¹⁷⁴. Но и здесь сохраняется некая норма допустимого: «Если девушка имеет с кем-нибудь продолжительную связь, прижила детей, то холостые парни ее обегают». Корреспонденты подчеркивают, что на место пренебрегаемого целомудрия становится «экономический фактор»: «Имущественный достаток невесты, при выходе в замужество, часто покрывает отсутствие в ней целомудрия»¹⁷⁵. Медынский у. той же губернии также относился к числу мест, богатых отходниками. Абсолютное большинство парней и мужчин здесь, начиная с 15-летнего возраста и выше, уходили на заработки в южные губернии. Также, сказывалась территориальная близость с

Москвой. «Девушки отличаются свободой обращения с мужчинами и развязность признается особой добродетелью». Корреспондент замечает, что новые формы общения молодежи вкоренились не так давно. «Обычай стояния за углом» до утра, «ведет девушек к короткому сближению с парнями, под уверениями последних в том, что они прикроют грех венцом»¹⁷⁶. Другая информация пришла в бюро из Жиздринского у. Калужской губ., находящегося на юго-западе губернии в отдалении от крупных городов. Корреспондент замечает, что отклонения от норм брака здесь редкость, измен мало. Наоборот, в приводимых им примерах звучит тема «целомудрия»: «Первое время новобрачные при других сторонятся друг друга и говорят между собой только по необходимости. Если же молодые целуются при других, их осуждают и смеются над ними. Даже, если невеста не целомудренна, то об этом знает только один новобрачный. Это обстоятельство, конечно, поселяет неудовольствие между супругами, но большей частью. Супруг со временем с этим мирится: „Не развенчаешься, — говорят в этом случае крестьяне“»¹⁷⁷. На отдельные примеры измены солдаток корреспондент указывает с комментарием: «Этих двух солдаток никто в безнравственности не упрекает, но и не одобряет, так как внебрачное сожительство крестьяне считают грехом»¹⁷⁸. Отношение к деторождению, как и отношение к власти мужа еще ортодоксально крепкое: «На детей крестьяне смотрят как на благословение Божие и все, у кого их нет, желают иметь детей. И почти все бездетные супруги берут себе в дети сирот»¹⁷⁹. Важной представляется информация, оценивающая факты «душевного, чувственного единства» в браке: «Вообще в крестьянском быту неравных браков по летам очень мало, но если случается такой брак, то разница лет ведет к семейным раздорам и ненависти жены к мужу»¹⁸⁰. Вспомним, что возрастное неравенство было одно из ярких причин «брака не по любви» в дворянской, или купеческой среде и служило одной из причин супружеских измен.

¹⁷¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Калужская губерния. СПб., 2005. Т. 3. С. 317.

¹⁷² Там же. С. 316.

¹⁷³ Там же. С. 430.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же. С. 430.

¹⁷⁶ Там же. С. 454.

¹⁷⁷ Там же. С. 87.

¹⁷⁸ Там же. С. 95.

¹⁷⁹ Там же. С. 94.

¹⁸⁰ Там же. С. 86.

Стремление к роскоши также рассматривается в качестве причины падения нравов. Об этом пишет Нижегородский корреспондент князя В. Н. Тенишева (Васильсурский уезд): «К числу причин все увеличивающегося распространения среди крестьянского населения вообще, и в частности среди крестьянской молодежи обоих полов, плотского разврата должно отнести еще и все усиливающееся с каждым годом в женской особенно части населения — стремление к нарядам и погоню за городскими модами; стремление. Являющееся побудительной причиной для многих замужних и незамужних крестьянок не ограничиваться теми заработками, какие доступны им, и теми доходами, которые по обычаю представляются в каждой крестьянской семье женской ее половине, но, для удовлетворения своей жажды к нарядам, — вступить на путь порока, на путь, не требующий ни особых усилий, ни труда, а между сравнительно более доходный и дающий возможность удовлетворить желание рядиться»¹⁸¹.

Нижегородский корреспондент князя В. Н. Тенишева прямо говорит о губительном влиянии отходничества на нравственность деревни и на семейные устои¹⁸². Также он приводит любопытные рассуждения стариков, которые сравнивают «нынешнее время с прошлым»: «По мнению местных же стариков отмену крепостного права и уничтожение сдерживающей власти помещиков, ближайшим следствием чего явились, кроме того, и частые семейные разделы, которые ослабили основы крестьянской семьи, освободили младших членов крестьянских домохозяйств из-под сдерживающей родительской власти и т. д.»¹⁸³.

Итак, в качестве трех важнейших причин, разрушающих главный нравственный постулат традиционной крестьянской семьи — «целомудрие» (а в семейной жизни это супружеская верность, хранение чести и достоинства мужа) выступают: 1) разрушение большой семьи, в результате чего исчезла непосредственная нравственная опека старших и уважаемых над сыновьями их женами и детьми. «Библейский» вариант семьи позволял распространяться нравственности столь далеко, как распространялся правовой закон. Малая семья оказалась неспособной к высокому (чтобы были задействованы и нравственный возрастной авторитет, и власть, и время для этого) нравственному контролю за детьми. Все

корреспонденты упоминают тот факт, что отцы перестают «держат в руках» своих дочерей, в то время как деды имели такую возможность. Еще XVIII век являл крупные очаги присутствия большой семьи на территориальной карте крестьянской России. Это были «отдельные земельные районы (Касимовский у. Рязанской губ., Тамбовская губ.). Также сюда относились окраины России «семьи казаков Дона, Кубани, Терека». На Русском Севере и Северо-Западе такие семьи могли существовать в условиях сочетания земледелия с заработками на стороне, хотя последнее и вело к разделу семей (Белозерье, Новгородчина, Тверь). Малые семьи развились задолго до XVIII в. на Севере в районах Устюга Великого, Тотьмы и др. У монастырских и помещичьих крестьян дольше сохранялись неразделенные семьи (более 50–60 % в Вологодском уезде), ибо разделы их семей задерживались монастырем или помещиком... У крестьян-отходников центральных уездов малые семьи к началу XIX в. составляли до 70 % всех семей»¹⁸⁴. Таким образом, уже к началу XIX в., если брать за точку отсчета распад большой семьи в большей части центральных уездов (а это экономическая зона, ориентированная на столичную жизнь: Петербурга и Москвы), можно говорить о новых порядках в семье, о прогрессирующем процессе разрушения нравственных основ, прежде всего касающихся главного — отношения к целомудрию и супружеской верности.

К числу кратких выводов по статье, на которых бы следовало остановиться, мы отнесем следующие: 1) В XVIII — начале XX вв. сохранилась традиционная форма конвертации материальных богатств в духовные, в рамках культуры «сложного поминовения» (московская церковная традиция), главным образом в сфере вновь образованных женских общин и монастырей. Параллельно ей существовала новгородская церковная традиция преобразования богатства, имевшая активную государственную и частную поддержку; 2) В этот период разделения церковного и светского миров на две автономные области, в светской части русского мира наблюдается появление трех разных путей и стратегий в отношении богатства: одна часть светского мира устремляется к традиционному — церковному — пути

¹⁸¹ Там же. Нижегородская губерния. СПб., 2005. Т. 4. С. 158.

¹⁸² Там же. С. 56.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Власова И. В. Семья и семейный быт // Русские. М., 1999. С. 423.

конвертации богатства (в московском и новгородском вариантах), другая — отказывается от конвертации и вместо этого начинает демонстрировать свое богатство («квазидуховная конвертация»); третья часть (нередко из тех же людей, что и вторая группа) — избирает светский путь конвертации, который был разнообразен в своих деталях. Так сюда можно отнести и вариант со сменой объекта конвертации, когда вместо богатства конвертируются знание и образованность; 3) Наиболее разрушительной для традиции, на наш взгляд, был путь сознательного отказа от конвертации, путь демонстрации богатства, потому что у этого пути были самые разные возможности для изменений и как результат — накопления негативной силы, разрушительной для традиции, общества, государства и культуры; 4) в статье мы показываем участие разных сословий имперской России как в позитивной, так и в негативной конвертации богатства, как в светской, так и в церковной. Тягой к демонстрации богатства, было охвачено поначалу дворянство, а потом — купечество и крестьянство. Несомненно, велика роль интеллигенции, благодаря которой дворянство сменило вектор внимания с богатства на знание. Со второй половины XIX в. главной движущей

силой созидания богатства, как реального, так и демонстративного, становятся купечество и крестьянство. Здесь к началу XX в. возникает кризисная ситуация, когда движение к демонстративному богатству начинает затмевать и подавлять движение к реальному накоплению и только после столыпинских реформ кризис в экономической сфере удалось преодолеть. Попытка интеллигенции и дворянства развивать независимую от богатства сферу конвертации материальных ценностей в идеальные, не через богатство, а через знание, оказались безуспешными, интеллигенции самой пришлось склонить голову перед богатством. В результате чего дворянство в массе своей накануне революции 1917 г. осталось и без социального союзника, и без реальной идеи. В этой ситуации, крестьянство и купечество, ориентированное на демонстративность богатства (а таковых было в процентном отношении совсем немного) было поддержано (в 1910-е годы) интеллигенцией и не остановлено дворянством. Это и придало силы «демонстрирующим богатство» и сделало их вожаками революционных настроений, как в городе, так и в селе. Что и стало, на наш взгляд, одной из главных причин революционных потрясений 1917 г.

